

Андрей Мухлынин

Дьявол по мелочам

Все персонажи и события, описываемые в книге, вымышлены. Любые совпадения по-прежнему являются совпадениями.

Глава 1

Август гудел. Гудел в тянувшихся от столба к столбу проводах, гудел в больших мохнатых шмелях, лениво вылетающих прямо под ноги, гудел в колышущемся от нестерпимого зноя воздухе. Этот гул подхватывали кузнечики, стрекотавшие в иссушенной палящим солнцем придорожной траве, и их нестройный хор разносился далеко вокруг, не столько слышимый, сколько ощущаемый — будто зубы выбивают дробь на морозе. То тут, то там среди глинисто-жёлтой травы выглядывали бело-розовые вьюнки, окружённые дурманящим сухим ароматом. Облака, похожие на огромные клоки ваты, висели в лазурном небе. Казалось, само время замедлилось, ожидая, когда наконец спадет изнуряющая жара.

Засунув руки в карманы, я беспечно шагал по пыльной дороге, вдыхая горьковатый загородный воздух.

— Всё болит! — простонал плетущийся рядом Азамат.

— Кто ж тебе виноват? Нечего было смеяться над домовым.

— Вам легко говорить, вас в окно не выкидывали.

— Зато теперь ты знаешь, что не стоит называть домовых «пушистиками», «зверьками», «покатунчиками» и... как там?

— «Няшками», — нехотя подсказал он. — А «покатунчиком» его назвали вы, если что.

Я махнул рукой и поморщился.

— Не суть.

Лето выдалось насыщенным. Едва ли не каждую неделю я получал по два-три заказа на изгнание и усмирение всевозможных мелких демонов. Знаете, люди забыли, что они далеко не единственные обитатели своих жилищ, и уж точно не их хозяева. Они знать не желают, кому обязаны порядком в доме и укладом в семье. Им плевать, что живущие рядом невидимые соседи требуют если не благодарности, то хотя бы капельку элементарного уважения.

Хотя в целом это не такая уж сложная работа. Я частенько брал с собой Азамата, чтобы молодой некромант научился чему-нибудь полезному, а заодно и подзаработал.

— Как единственная пострадавшая сторона,

требую прибавки к своей доле, — заявил он после недолгого молчания.

— Азамат, — я укоризненно покачал головой, пересчитывая полученные деньги, — сегодня ты помог людям. Тебе ли... Зараза, сбился. Тебе ли беспокоиться о бренном злате?

Он что-то невнятно возразил.

— И, к тому же, ты получил нечто более ценное, чем деньги — ты получил знания. Так что... двадцать пять процентов.

— Сорок!

— Тридцать.

— Тридцать пять.

— Договорились. Поднажми, опоздаем на электричку!

— Какого чёрта? — возмутился Азамат. — У вас есть машина.

— Эй! Что может сравниться с атмосферой железной дороги? — я махнул рукой в сторону. — Зайдём в тот магазин!

— А элек... Что вы заду... — он устало вздохнул. — Ладно.

Старый одноэтажный дом, где расположился захудалый магазинчик, лет тридцать назад был, наверное... таким же старым. То есть он выглядел так, будто за всё это время его коснулась только кисть маляра. Да и то от души схалтурившего. Ещё свежая побелка уже щедро осыпалась, обнажая

слой прежней — светло-голубой. На обоих окнах стояли фигурные решётки, но одна почему-то была синей, а другая — зелёной. Картину завершала хлипкая деревянная дверь, державшаяся на честном слове и просьбе не хлопать.

Войдя, я шмыгнул носом и деловито оглядел просторное помещение. Внутри дела обстояли не намного лучше. Полки с мылом и шампунями, пара холодильников и длинный прилавок с двумя скучающими продавщицами составляли весь интерьер магазина. Местный мальчонка лет десяти, складывавший покупки в большой пакет, удивлённо уставился на нас. Девушки за прилавком переглянулись.

— А та, что справа, ничего, — шепнул я Азамату. — Спорим, мы произвели на них впечатление?

Конечно, больше внимания привлекал Азамат: помятая, местами порванная одежда, здоровенный синяк под глазом, очумелый взгляд... Он выглядел так, будто неудачно с кем-то подрался.

В два шага оказавшись у прилавка, я опёрся на него и томно проговорил:

— День добрый. Совершенно случайно оказавшись в сих краях, я не мог пройти мимо столь чудного места. О, юные девы, чей стан гибок, словно ветви ивы, склонившиеся над гладью озёрных вод! Узрите меня, и восхититесь! Ибо я —

сам Виктор Тесла! Великий и могучий экстрасенс-предсказатель. Тарификация поминутная.

— Вот придурок, — выдохнул Азамат, хлопая себя ладонью по лбу.

Отмахнувшись от него, я легким движением руки закрыл приоткрывшийся рот ошарашенной продавщицы.

— Ну, кто ещё хочет услышать моё имя? Меня зовут Виктор...

Холодильник справа от меня вдруг заходил ходуном. Послышался звук осыпающейся штукатурки, и стена позади него покрылась мелкими трещинами. Воздух в том месте задрожал и зазвенел хрустальными колокольчиками. Испуганный мальчишка вылетел из магазина, а девушки, взвизгнув, нырнули под прилавок.

— Что происходит? — дрожащим голосом спросил Азамат, непроизвольно хватаясь за дверь.

— Оно здесь, здесь! — я дико хохотнул и принялся вытаскивать из холодильника бутылки с минералкой. — Оно где-то здесь, играет с нами в прятки.

— Вот чёрт...

— Может, он самый!

Прежде чем мне удалось повыбрасывать все бутылки, холодильник подпрыгнул и, сорвавшись

со своего места, влетел в противоположную стену. С грохотом обрушились полки, шампуни и мыло посыпались на пол.

— Ладно, не в воде, — подытожил я, оценивая степень погрома.

Дрожащий воздух переметнулся в другой угол. Что бы это ни было, оно явно двигалось, предпочитая при этом оставаться невидимым. Или казаться таковым. Редко можно встретить невидимых существ. Призраки, разве. Они просто недоступны нашему восприятию. Что же касается остальных — они либо мимикрируют, либо (что гораздо чаще) используют мороки. Но сколько я не старался сосредоточиться на мороке, чтобы рассеять его, ничего не получалось. Он даже не ослаб. Нет, бывают, конечно, сильные заклинания, которые в одиночку не снять, но что-то в этом меня всё же настораживало.

Вентилятор на потолке начал вращаться, с каждой секундой ускоряясь все больше и больше. Наконец крепления не выдержали, и он, бешено вращаясь, сорвался. Лопасты просвистели в полуметре от меня и разлетелись в разные стороны, ударившись о стену.

— Стены? — предположил я. — Азамат! Пробей-ка пару стен!

— Ну уж нет, — возразил он, выглядывая

из-за упавших полок. — Это уничтожение частного имущества.

— Делай, что я велю, если не хочешь, чтобы эта тварь уничтожила нас!

Процедив что-то сквозь зубы, парень выпрямился и, выхватив похожую на карандаш волшебную палочку, властно произнёс одно из своих некромантских заклинаний. Кирпичи, за пару секунд состарившиеся на тысячу лет, высыпались на пол. Подскочив к образовавшемуся провалу, я заглянул в него, но не нашел ничего, кроме обрывков проводки.

— Виктор, сверху! — крикнул Азамат.

Не оглядываясь, я прыгнул в сторону — что-то тяжёлое свалилось прямо за спиной. Судя по звону разбившегося стекла, это были лампы. Одна за другой, они отваливались от потолка вместе с креплениями. Визжащие продавщицы попытались выползти из-под прилавка, и мне пришлось силой затолкать их обратно — там они хотя бы были в относительной безопасности. Хотя... проклятье! Пока я не выяснил, где оно прячется, здесь просто не было безопасных мест. Существо появлялось внезапно и так же внезапно исчезало, оно скакало у нас под носом, оставаясь полностью незамеченным. Единственным, что выдавало его присутствие, был колеблющийся от переизбытка магии воздух.

— Думай, думай, думай! — я сжал кулаки, едва не вогнав себе в кожу ногти. — Ну же!

Кассовый аппарат угрожающе хлопнул ящиком для денег, рассыпав вокруг себя разноцветные купюры, и, оторвавшись, полетел в меня.

— Попался! — крикнул я, пригибаясь. — Азамат! Быстро на улицу, вали столбы!

— Столбы?

— Быстрее! Он в проводке!

Некромант коротко кивнул и выбежал наружу. Пока Азамат отрезал пути к отступлению, мне нужно было чем-то занять взбесившуюся тварь. Это было очень, очень непростой задачей: если что-то принимает форму электрических сигналов, то и двигаться оно должно с соответствующей скоростью. И оно, конечно же, слышало, что я велел Азамату, поэтому во что бы то ни стало попытается помешать ему.

Лучшей идеей, которая пришла мне в тот момент в голову, были банальные переговоры. Иногда это оказывается самым действенным средством, ведь многие сущности не прочь поболтать с людьми, просто они не знают, как это сделать так, чтобы это не выглядело попыткой кровавой расправы.

— Кто тебя послал за мной?

В ответ розетка рядом с дверью в подсобку заискрила, в треске отчётливо послышалось несколько слов, среди которых было и моё имя.

— Эй! — я развёл руками и сделал разочарованное лицо. — Вот уж не ожидал, что по мою душу пошлют идиота, не способного ничего толком сказать! Ладно, давай подождём, пока мой друг отрежет все пути к отступлению.

Розетка заискрила сильнее и вспыхнула. По разгромленному магазину пополз едкий дым горящего пластика. Сняв в углу маленький огнетушитель, я вручил его продавщицам, находившимся на грани коллективного обморока, и пошёл к двери.

В воздухе разлился тяжёлый, вязкий гул, похожий на зуд глубоко под кожей — так гудят высоковольтные провода на вышках. Снаружи донёсся короткий крик — Азамат пытался позвать на помощь.

Раскрыв дверь ногой, я вышел на улицу и едва не попал под кабели, извивающиеся, будто гигантские щупальца.

— Только попробуйте сказать, что послали меня сюда специально! — взвизгнул вжавшийся в стену парень. — Чёрт! Как они вообще могут двигаться?!

— Потом разберемся, — я вытянул правую руку в сторону столба и произнёс: — Effrego!

Стеклянные кронштейны, на которых крепились провода, разлетелись вдребезги, на землю посыпался раскрошившийся бетон. Длинный обрывок кабеля, описав в воздухе дугу, упал на дорогу и по-змеиному свился в кольцо, треща и разбрызгивая искры.

Осторожно подойдя к нему, я присел рядом.

— *Тес-сла* , — прошипели искры, — *тэй-а атта-и ханатте. Тэй-а нофф-э та. Ак'шатт-а-э-тэй* .

Он дёрнулся ещё раз и затих. Теперь уже насовсем.

— Вот как? Ладно, — буркнул я, поднимаясь. — Двинули отсюда.

— Виктор! — дрожащим голосом воскликнул Азамат. — Вы всё знали, да? Вы знали про эту тварь?

— Можно и так сказать. До меня дошли слухи, что кто-то здесь слишком уж сильно интересуется моей персоной. А раз можно было вдобавок немного заработать, я и тебя прихватил.

— Тогда почему вы мне ничего не сказали?

— Будь готов к неожиданностям. Расскажи я всё сразу, было бы не так интересно.

Он промычал что-то невнятное и громко выругался. Догнав меня, Азамат уже тише добавил:

— Мы разгромили магазин. Мы не можем так просто уйти.

— Неправда, можем. К тому же, его разгромили не мы, а разбушевавшийся... призрак демона. Ну и, пожалуй, немного магии. Ах, постой! Я совсем забыл: ни того, ни другого не существует! Получается, ничего этого не было, мы просто проходили мимо.

— Что?! И что значит «призрак демона»? Разве такое возможно?

— Теоретически, да. Думаю, он был уже мёртв, когда попал сюда — сил на переход между мирами не хватило. Демоны не могут стать призраками, но этому удалось сохранить часть себя, превратившись во что-то вроде молнии или типа того. Он проделал такой путь, лишь чтобы найти меня.

— Он пришёл из Ада?

— Он говорил на накшенси, так что скорее всего.

Помолчав немного, Азамат, будто бы сомневаясь, спросил:

— Виктор, этот призрак ведь что-то сказал вам?

Я кивнул, уставившись в землю и, засунув руки в карманы, ускорил шаг.

— Он сказал: «Тесла, они уже идут за тобой. Они уже здесь».

Глава 2

Нехотя разлепив глаза, я зевнул и пробежался взглядом по комнате. Уже начинало темнеть, и длинные оранжевые полосы заходящего солнца тянулись из спальни, наискосок пересекая зал. Затеявшая уборку Кария стряхивала отовсюду пыль, то и дело превращаясь в сиреневое облачко, мечущееся по всему дому. Взбаламученные ею пылинки роились в солнечных лучах, то опускаясь до самого пола, то снова взмывая вверх.

В мышцах расплзлось то самое неприятное чувство, от которого хочется не то хорошенько потянуться, не то отвернуться и снова заснуть. Решив когда-нибудь выбрать первое, я перевернулся на другой бок. Тотчас по мне прошла мягкая щетина.

— Я ещё не настолько покрылся пылью, — проворчал я, нехотя приподнимаясь и отмахиваясь от назойливой щётки.

— Тогда не путайся под ногами. И вообще, — Кария показала в сторону кухни, — топай туда, сегодня твоя очередь.

Когда вы говорите: «у меня каникулы», — вы, скорее всего, имеете в виду приятное безделье. Или, на крайний случай, какие-то дела, доставляющие удовольствие. Мне бы, например, доставлял удовольствие нездоровый двадцатипятичасовой сон.

Вот уже больше года, как никто не пытался меня убить, сожрать или сделать своим вечным слугой. Неплохо, не так ли? Однако в какой-то момент приходит осознание, что чего-то не хватает. Сродни тому, когда вы к чему-то привыкаете, и оно настолько становится частью вашей жизни, от него уже трудно отказаться. Приключения похожи на наркотик. Можно день и ночь уверять всех, что это было сущим адом, но, оставшись наедине с собой, с теплотой в сердце вспоминать о пережитых трудностях и страхах. Можно твердить, будто всё в прошлом, а впереди одна только тихая и мирная старость, но сорваться вдруг с собственного дня рождения и уйти в непроглядную ночь по старой-старой тропинке, способной завести в опасные края, откуда не будет пути назад.

Мною завладело то самое ощущение, когда хочется оставаться в стороне от всяких беспокоящих приключений, но в то же время не хватает драйва. Какая-то невидимая струна внутри звенела всё громче и громче, грозя вот-вот лопнуть от напряжения.

И всё же приключения приключениям рознь. Одно дело, когда вы просыпаетесь в мусорном баке на окраинах Нью-Дели, сжимая в руках фиолетового надувного дельфина с приклеенным к нему китайским фонариком, а за всем этим наблюдают пожарные, британские королевские

гвардейцы и филлипинка-горничная, утверждающая, что все вчерашние непотребства сотворили именно вы, и никто иной. Тогда появляется чувство, что жизнь, в общем-то, удалась. Особенно если получится сбежать. И совсем другое дело, когда приключения обещают быть сколь яркими, столь же и короткими — по причине преждевременной кончины их главного участника.

Состроив Карию рожу, я потёр разросшуюся за неделю щетину и поплёлся в указанном направлении.

— Мне ску-учно! — протянула дриада из комнаты спустя пару минут. — Когда ты снова возьмёшься за работу?

— Как только, так сразу, — лениво отозвался я.

— Отменил всех клиентов, отключил телефон. Даже табличку на двери сменил. И не отпирайся, я заметила. Почему «Директор»?

— Директора не было в кабинете.

Кария заглянула в кухню и деликатно кашлянула.

— Виктор, ты украл табличку с двери директора школы?

Я пожал плечами.

— Ну... у них там много этих штук висит. Я просто зашел и свинтил первую попавшуюся.

Нельзя же забирать табличку соседней фирмы — заметят.

— Иногда мне кажется, что ты идиот. В плане диагноза. Кого ты надеешься так обмануть?

— Исходя из того, что самые идиотские идеи обычно срабатывают лучше других, это — как раз то, что нужно.

— Но ты даже не знаешь, от кого прячешься, — она скрестила руки на груди, развернулась и бросила: — Скажи, наконец, что там случилось на самом деле.

— На самом деле, — нехотя проговорил я, — меня беспокоит одна странность, последняя сказанная электрическим призраком фраза. «Ак'шатт-а-э-тэй».

Кария раздражённо фыркнула. Она появилась в этом мире, принадлежала ему и могла свободно говорить практически на любом существующем (или существовавшем когда-либо) языке. Но языки из иных миров были для нее просто набором звуков.

— Это сложно объяснить, но я уж постараюсь, так что слушай внимательно. В Аду категории «живое» и «не живое» имеют весьма и весьма расплывчатые границы. Взять, к примеру, обыкновенного духа или, ещё лучше, зомби. И тот, и другой с технической точки зрения мертвы. Однако в Аду оба проявляют удивительное

жизнелюбие, а дух так вообще может быть воплощён — тогда он получает стабильную оболочку, аналогичную той, что имел при жизни. Иными словами, он возвращает своё тело. С некоторыми ограничениями, разумеется.

При таком контингенте невозможно чётко разграничить, кто жив, а кто нет. Более того, даже какая-нибудь безделица вроде прикроватного будильника может оказаться вполне себе мыслящей. Что она тогда — вещь или существо?

Кария со скучающим видом устроилась на столе, закинув ногу на ногу.

— К чему ты клонишь?

— Сейчас поймёшь. Чтобы не ломать голову над вопросами одушевлённости, в накшенси — современном демоническом языке — используются категории наличия собственной воли, выражающиеся через парные связки. К таким относится, например предлоги-связки совместности или причастности «э» и «а-э». Ещё совсем недавно — каких-то две сотни лет назад — вторая форма была характерна только для разговорной речи, но полностью отсутствовала в ашкетси — классическом варианте демонического. В дореформенном Аду, подчинённом прогнившей феодальной системе, свободная воля отрицалась как факт. Однако пятьсот лет назад эта система рухнула, и многие её элементы, сохранившиеся в

языке, стали восприниматься как пережитки прошлого, постепенно уступая место новым формам. С точки зрения людей, триста лет для нескольких предлогов — это как-то слишком постепенно, но... что поделать, академики, где бы они ни жили, любят быть консервативными. А некоторые из них живут довольно долго, — я выдержал небольшую паузу. — Однако со временем даже самые консервативные академики стали прошлым, а связка «э», объединившись с бытийным глаголом «а» превратилась в ещё один показатель воли.

Кария закатила глаза, давая понять, что пора сворачиваться.

— Возвращаясь к словам призрака: их можно было трактовать двояко. Слово «Ак'шатт» означает «вечное страдание», а «Ак'шатт-а» — предатель. Так что он хотел этим сказать? «С ними то, что предатель»? Или «с ними тот, кто вечное страдание»? Скажи он, что за мной явились очередные демоны, всё было бы просто и понятно. Но неизвестность... угнетает.

Поджав губы, дриада покачала ногой и пробормотала: «Вот как». Мягко спрыгнув со стола, она прошлась по комнате, сцепив руки за спиной, остановилась у окна, покачалась на пятках. Повторила задумчиво: «Вот, значит, как».

Осторожно, будто опасаясь нападения, в

комнату прокрался полноватый молодой человек. Увидев наши с Карией удивлённые лица, он заикаясь, пробормотал:

— З-здрасьте. В-вы Виктор Тесла?

Я сглотнул комок в горле и пожал плечами.

— Не. Я Директор. Написано же.

— Там б-было открыто. Я подумал, н-не случилось ли чего?

— Виктор, — прошипела Кария. — Ты, идиот, опять не закрыл дверь?

Посетитель смерил её взглядом, затем посмотрел на меня и снова на Карию. К слову, у неё вообще была не лучшая привычка одеваться слегка... экстравагантно. Однако на этот раз верх платья открывал чуть больше, чем стоило бы.

— Я, кажется, не вовремя, — смутился он.

— Заходите, — махнул рукой я. — Чего уж там!

Усадив клиента за стол, я сел напротив, оперевшись на столешницу локтями и сцепив кончики пальцев. На вид посетителю было лет девятнадцать-двадцать, может, чуть больше. Проходя к столу, он прихрамывал, а когда хромать не получалось, часто и болезненно моргал — старая травма и нервный тик. Вероятно, как-то связанные между собой. Обычно он носил очки, но сейчас снял их — на переносице виднелась красноватая полоса. Когда он постукивал пальцами по столу,

слышен был характерный звук от огрубевшей кожи — клиент играл на струнном инструменте, мозоль на шее указывала на скрипку или что-то вроде того. На левом рукаве темнело пятно от прижатого недавно футляра, который он неосторожно куда-то поставил — видимо, там было сыро.

— Итак, — я откинулся на спинку стула и бросил на клиента снисходительный взгляд. — Что вы хотите узнать? Когда игра на скрипке в переходе начнёт приносить прибыль?

Он немного испуганно посмотрел по сторонам, покосился на чёрные свечи и стеклянный... то есть хрустальный шар, и нервно поправил воротник.

— Вы?

— Ну, я же экстрасенс.

— А, ну да, конечно, — он снова поправил воротник и продолжил, зачем-то понизив голос: — Понимаете, я сегодня видел, как... человека съели.

Я поджал губы и закатил глаза.

— Вот поэтому я и не покупаю шаурму.

— Нет-нет, вы неправильно поняли. Это был... — он набрал побольше воздуха и выпалил: — Демон.

— Демон? И как же он выглядел?

— Как... как демон. Видите ли, я — скрипач. Борис Вертинский. Д-довольно известный.

— Первый раз слышу.

— Я тоже, — выглянула из кухни Кария.

Вертинский густо покраснел.

— Я каждую пятницу играю в переходе у северного вокзала. Большой такой переход.

— О, так вот она — известность. *Ad glorium per an...*

— Живу близко, — торопливо добавил он. — Ну и с милицией проблем нет — там меня знают уже все. Каждую пятницу, значит, прихожу. А сегодня... сегодня мне сразу показалось, что там дух какой-то нездоровый.

— Гадят на каждом углу, — я демонстративно зевнул и почесал за ухом. — Вот и воняет.

— Н-нет, зачем вы меня перебиваете? Не в этом дело. Воздух прямо звенел — мне это мешало, раздражало. Потом уже я увидел тот знак на стене. Когда из него... выпрыгнуло.

Резко подавшись вперёд, я налетел животом на стол и чуть не перевернул его.

— Какой знак?

— Сейчас-сейчас. Я сначала хотел стереть его, но потом подумал и сфотографировал, — закивал он, доставая мобильник.

Я выхватил у него телефон и замер, увидев, что за «знак» он имел в виду. Печать призыва. Фото не настолько удалось, чтобы можно было разглядеть подробнее, но работал явно профессионал — слишком правильные линии.

— Оно видело меня! — продолжал Вертинский, теребя воротник. — Мне чудом удалось убежать! Но... это не важно. Тот человек, вдруг он ещё жив?

— Не занимаюсь благотворительностью, — отмахнулся я. — Если вам обо мне рассказывали, то вы должны знать расценки. Не можете заплатить — спасайте его сами.

Парень нервно забарабанил пальцами по столу. Таких денег у него, скорее всего, не было.

— Хорошо, — сказал вдруг он. — Д-договорились.

Встав из-за стола, Вертинский решительно прошёл в прихожую. Там он обернулся и, перед тем, как выйти, добавил:

— Я играю не ради заработка, если для вас это так важно.

Кария задумчиво глядела ему вслед, а когда он, хлопнув дверью, спустился с крыльца, спросила:

— Думаешь, это как-то связано?

Я пожал плечами.

— Странный он. Первый раз вижу кого-то, кто так беспокоится о судьбе незнакомого человека.

— Сочувствие, сострадание, альтруизм, — монотонно перечислила дриада.

— Я думал, эти чувства давно вымерли. Он дико напуган — видела, как нервничает? — но

хочет сохранить достоинство. Пожалуй, пока не стемнело, съезжу на место и осмотрюсь.

Кария поджала губы и недовольно фыркнула.

— Будь осторожнее.

— Договорились.

Ну? Разве после таких слов хоть что-то может пойти по плану?

* * *

Огромный подземный переход, выходящий одной стороной к северному вокзалу, никогда нельзя назвать многолюдным. Приезжающие обычно либо отлавливаются бойкими таксистами ещё на поверхности, либо, спустившись под землю, быстро пересекают полутёмный тоннель и сворачивают в метро. В первом случае, кстати, как таксисты, так и простые «бомбилы» запросто выделяют из толпы туристов и бессовестно завышают цены в десятки раз. То же касается и продавцов на базарах, и владельцев сотен тысяч маленьких кафе. Когда я приехал сюда пять лет назад, то умудрился за несколько дней спустить все свои деньги.

Тогда-то мне пришлось впервые попробовать себя в роли «могущественного экстрасенса-предсказателя». Даже насекомому с одним-единственным нервным узлом ясно, что

умея красиво говорить об очевидных вещах, можно без особых усилий заработать кое-какую сумму. То был день рождения «Четвёртого Великого Магистра Тайной Шаманской Ложи».

Мало-помалу это стало моей работой.

Скрипач не ошибся и не приукрашивал — в переходе действительно стояла гнетущая атмосфера. Стоило только спуститься, как в лицо пахнуло сыростью. Однако это была не привычная сырость влажного камня. Тяжёлый, липкий, затхлый воздух наполнял длинный коридор, будто я спустился в древнее проклятое подземелье, наполненное сточными водами.

Долго искать печать не пришлось, метровый круг на стене, нарисованный чем-то красным — но явно не кровью — был виден издалека. Старый. Видно было, что кто-то уже пытался его оттереть, но в итоге лишь слегка размазал один край.

Некоторые элементы печати выглядели знакомыми, но вместе с тем полной белибердой. Линии пересекались и сливались в случайных точках, будто тот, кто рисовал печать, не имел ни малейшего представления об элементарных расчетах. У такого выкидыша абстракционизма могла быть куча побочных эффектов, и оставалось только догадываться, для чего эта печать предназначалась на самом деле. В одном я был уверен на все сто: это было дело рук профессионала

— слишком уж ровные линии для дилетанта. А раз так, то и хаос этот лишь кажущийся, надо только найти в нём систему.

Если некое существо пролезло через эту печать сегодня, когда она не в лучшем состоянии, то сколько ещё всевозможных тварей смогло воспользоваться ею как дверью в человеческий мир прежде?

От лужи, натёкшей с потолка, тянулись едва заметные пятна — призванное существо пробежало по воде. Сфотографировав мобильником печать, я пошёл по следу и вскоре наткнулся на брошенный бумажник; должно быть, он принадлежал тому человеку, которого это существо схватило. Поодаль была ещё одна лужа, сильно размазанная — человек сопротивлялся, пока его тащили. Метрах в трёх от этого места следы обрывались.

Там, где от стены веяло сквозняком.

Оно ушло в разлом, на Обратную сторону!

Вытащив из кармана теплый от накачанного волшебства амулет, я надел его и, отойдя на пару шагов, с разбегу прыгнул в глухую стену. Сверкающие осколки, похожие на битое стекло, со звоном серебряных колокольчиков брызнули во все стороны.

Дышать стало намного легче, а в самом переходе посветлело. Исчезли лужи с протекающего потолка, цвет стен поменялся на

светло-серый. Но, самое главное, появились пешеходы.

Именно пешеходы. Не люди.

Обратная сторона не входит в список мест, где стоит побывать в здравом уме. Это мир, по каким-то причинам оказавшийся настолько близко к нашему, что стал его отражением. С одним только различием: на Обратной стороне все вещи такие, какими они «должны были быть». И, поверьте, многое из того, что нас окружает, сильно отличается от задуманного.

Людей в полном смысле этого слова тут не найти. Мелкие демоны, призраки, чудовища из ночных кошмаров, потерянные дети — вот основные здешние обитатели. Обратная сторона — мрачное и опасное, хоть и по-своему красивое место. Попав сюда, вы уже никогда не уйдёте. Даже если захотите.

И ещё, здесь нет магии. Совсем. Поэтому, чтобы не стать чьим-нибудь обедом, мне приходится надевать заряженный волшебством амулет — серебряный диск пяти сантиметров в диаметре, с выгравированным на нём сигилом-аккумулятором. В центре сигила — ещё одна печать, оттиснутая на капле сургуча. В случае крайней необходимости нужно лишь потянуть за леску, чтобы сорвать печать и выпустить всё волшебство разом. Однако если не расходовать его

налево и направо, то амулета хватит на пару часов. Этого времени достаточно, чтобы найти другой разлом и вернуться в материальный мир. По крайней мере, до сих пор было достаточно.

Мокрые следы, оставленные существом, продолжались до лестницы. Подойдя к ней, я осторожно выглянул — снаружи ещё не стемнело. Ночь здесь наступает за считанные секунды, а с приходом темноты появляются и те обитатели Обратной стороны, с которыми совсем не хочется встречаться.

Поднявшись, я обнаружил ещё следы, и на этот раз уже длинную полосу крови. Тварь тащила свою добычу по земле — для полноценного демона слишком примитивно, а вот для демонического хищника в самый раз. Четвёртый уровень сложности: «Проблемные существа». Один из самых труднопрогнозируемых. В том плане, что некоторые твари, даже не отличаясь особенной хитростью, только и ждут, как бы выкинуть очередной сюрприз.

Но поворачивать назад уже не было смысла. Как говорится, с паршивой овцы хоть шерсти клок, так что я решил по-быстрому разобраться с хищником и снова залечь на дно, пересчитывая полученный за работу гонорар.

Примерно через полчаса поиски привели меня в узкий тупик позади какого-то кафе.

Приготовившись выкрикнуть заклинание и разорвать им тварь, я шагнул за угол и вытянул перед собой правую руку.

Что-то холодное и твёрдое звонко ударило меня по лбу. Перцовый баллончик, отскочив, налетел на стену и, фальшиво позвякивая, прокатился по земле. Измазанный в крови мужчина вжался, тяжело дыша, спиной в забор, и собирался кинуть в меня одной оставшейся у него туфлей. Он был немолод, сед — но ровно в той мере, когда седина добавляет человеку стати, — и с этой статью держался, сохраняя военную выправку даже лёжа на земле.

— Тише, мужик! — поднял руки я. — Всё нормально. Виу-виу! Помощь пришла.

Он с удивлением и ужасом посмотрел на меня, при этом будто принохиваясь, и оскалился:

— Где я? Что... что это? Почему?

— Потому что. Куда ушёл хищник?

— Кто?

— То, на чём ты сюда приехал.

Он яростно замотал головой.

— Не знаю, еле отбился.

— Повезло, — я развернулся и пошёл искать дальше, махнув ему рукой. — Ну, бывай!

Спустя пару шагов мужчина вдруг окликнул меня.

— Помогите мне, — попросил он. — Хотя бы

вызовите скорую.

— Скорую? Ни за что. Извини, мужик, у тебя нет шансов. Сейчас набегут насекомые, которые сожрут тебя за три или, может, четыре минуты, и...

— Любые деньги! — его голос сорвался в хрип. — Умоляю, не бросайте меня. Я заплачу. За всё.

Говорят, если на Обратной стороне думать о ком-то или ждать его, то ваши пути непременно пересекутся. Возможно, я был спасением, в котором так нуждался этот человек. А с правилами Обратной стороны не шутят.

Глухой, тяжёлый раскат грома прокатился над городом. В небе мрачными обрывками вытягивались серые, с просинью, тучи. Одинокая капля начинавшегося дождя упала передо мной, превратившись в тёмное пятно на асфальте.

Вернувшись к раненому, я протянул ему руку.

— Любые деньги, говоришь? Поднимайся. Только одежду мою кровью своей не испачкай. Натёк тут...

— Спасибо, — радостно выдохнул он, опираясь на моё плечо. — Вы отвезёте меня домой?

— Хрен тебе, — буркнул я. — Без Проводника-то.

— Кого?

— Можно подумать, ты что-то поймёшь. Сделаем так: одна моя знакомая за тобой

присмотрит, а я пока попробую что-нибудь придумать. Надеюсь, она сама нас не приберёт.

Глава 3

Скрипнула тяжёлая дверь подъезда, и комок густой бурой шерсти — не больше футбольного мяча — дремавший в тёмном углу, встрепенулся.

— Здоров, Хозяин, — махнул рукой я. — Нинель дома?

Домовой фыркнул и отвернулся.

— Ходит и ходит, — совсем как сварливая консьержка проворчал он. — Ходит и ходит... Знаю, чего ходит! Зна-аю! Вот принесёт девка человечиха в подоле, я вам!..

— Я по делу.

— Знаем мы ваши дела! Только попробуй обидеть!

— Да она сама кого хочешь обидит, — буркнул я себе под нос.

Второй такой же комок выкатился из-за приоткрытой подвальной двери. Домовиха прикрикнула на своего старика, а затем... выглядело это так, будто один шерстяной комок дал затрещину другому шерстяному комку — странно и неуклюже.

Воспользовавшись начавшейся перебранкой, я стал потихоньку пробираться к лестнице. Заметив

это, домовиха строго приказала:

— Ранетого положь! Никуда он не деется, а у меня там полы помыты!

Повисший на моём плече мужчина приподнял голову и еле слышно застонал. Демонстративно поморщившись, я усадил его к стене и, попросив домовых присмотреть, рванул вверх. Они в целом неплохие ребята, хотя и привыкли настаивать на своём с натиском взбесившегося асфальтоукладчика. Они никогда не будут причинять неудобства без веской на то причины. «Веские причины», правда, варьируются от немного странных до совершенно идиотских. Например, домовый может обидеться на невовремя приготовленный ужин, неправильно сложенную одежду или даже подметённый в его любимом месте пол. И всё же с ним всегда можно договориться, поставив в какой-нибудь укромный угол миску молока с парой ложек мёда. Довольный дух будет служить верой и правдой, незаметно подсказывая и помогая. Говорят, какой бы ветхой ни была постройка, поселившийся там домашний дух способен превратить её в настоящий дом.

Или жестоко убить жильцов, разорвав их на части и протаскив ещё дёргающиеся кровавые ошмётки в старый дымоход.

Всякое бывает.

Поднявшись на второй этаж, я вошёл в

нужную квартиру. Двери не запирались, ведь Хозяева служили лучшими замками — при них ни одна посторонняя тварь не пересечёт порога. По крайней мере, целиком.

А если и пересечёт, то обнаружит нечто пострашнее разъярённых домашних духов — Нинель.

У этой женщины скверный характер, и на первый взгляд она может показаться взбалмошной и безрассудной, однако достаточно увидеть, как содержится её дом, чтобы понять, насколько это впечатление обманчиво. Идеальный порядок в окружении, мыслях и действиях помогли ей без малого тридцать лет выживать в непрекращающемся кошмаре. Нинель — обменыш, ребёнок, унесённый нечистью на Обратную сторону и выросший там. Большую часть сознательной жизни она провела в семье домового, где приучилась к порядку во всём. Правда, это же придало ей некоторой жестокости, граничащей порой с садизмом.

Меня насторожила царившая в квартире тишина. Если бы Нинель куда-то ушла, мне бы об этом сказали. Если бы она куда-то уходила, мы бы с ней встретились. Если бы у неё возникли какие-то проблемы, то это быстро стало бы проблемами самих проблем. Что-то здесь было не так. Я неслышно проскользнул через коридор и юркнул во

вторую комнату слева.

Не прошло и секунды, как кто-то с силой ударил меня под правое колено, а затем несколькими отработанными движениями развернул и повалил на пол.

Женщина двигалась в разы быстрее, чем можно было уследить. Усевшись мне на живот, она прижала моё горло локтем и, почти вплотную приблизив лицо, процедила сквозь зубы:

— Ты где шарахался, четырёхглазый? Теряешь форму. Будь на моём месте кто другой, твоя оторванная башка уже валялась бы в углу.

Я принюхался.

— Это что, духи? Ждала?

Нинель фыркнула и отпустила меня.

— Больно много чести.

— Брось. И вовсе не шарахался, а... был занят конспирацией, — проговорил я, потирая шею. — Кстати, информация подтвердилась.

— Да?

— Там действительно был призрак, знавший моё имя. Очень странный призрак. Похож на демона, хотя после них призраков никогда не остаётся. Но не это важно. Он сказал, что кто-то идёт за мной.

— Хотел предупредить?

— Скорее, припугнуть. Намекнул, что помимо него есть и другие. Я собирался затаиться на

некоторое время, но...

— Но алчность, как всегда, победила, — мрачно закончила Нинель. — Как же иначе.

— Типа того. Ты и сама могла бы, кстати, заглянуть, если так беспокоилась.

Женщина прошлась по комнате; прошуршали её широкие джинсы, звякнули пуговицы на накладных карманах. Она подняла слетевшую резинку и наскоро собрала растрепавшиеся тёмные волосы в короткий хвост.

— На Обратной стороне стало беспокойно, — сказала наконец Нинель. — Тоже стараюсь не высовываться без причин.

— Правда? — посмотрев на неё снизу вверх, я встал и потянулся. — А раньше тут был, типа, санаторий, да?

— Появились люди... и не только, которые могут создавать дополнительные части тела. Думаю, тебе это знакомо.

Я вздрогнул. Мне это заклинание было более чем знакомо — свитки акцессии, позволяющие своим обладателям присоединять, а точнее, выращивать в собственном теле демонические органы. Об этих свитках известно немного, причём всё больше их минусы. Создатель свитков — обезумевший маг Калиостро — не успел закончить заклинание акцессии, поэтому оно состоит из сплошных недостатков. Это и ограниченное время

действия, и довольно высокие требования к уровню магии носителя, и ещё много-много всего. Что, впрочем, не мешало свиткам пользоваться популярностью в определённых кругах. Лишь одна их особенность считается скорее достоинством — неповторимость каждого свитка. Текст заклинания прижигается к коже, буквально сливаясь с ней, и единственный способ забрать после этого свиток — убить прежнего носителя. Быть может, существует и какой-то другой способ, но при всей популярности за детальное изучение акцессии брались единицы, и удивляться здесь нечему. На самом деле, чтобы зажечь свет, вам не нужно знать о природе электричества. Вам нет дела до того, как сильно нагревается нить лампы или как электроны движутся в полупроводнике, создавая свечение. Набирая ванну, вы не задумываетесь, как отливался чугун, и не повторяете про себя законы сообщающихся сосудов. И вам, скорее всего, плевать на то, каким образом съеденное пирожное превратится в калории. То же самое и в магии — нас не волнует, как действуют те или иные заклинания. Главное, что они вообще действуют, а по какому принципу это происходит — дело десятое.

Один из таких свитков — «Акцессия Алаэ» принадлежит мне. И мне же было прекрасно известно, в каком мире можно их достать.

— Значит, они и впрямь уже пришли, — задумчиво проговорил я. — Из самого Ада.

— Ад? — Нинель усмехнулась. — Ад тут ни при чём. Эти парни местные — я проследила за ними. Обычные обменыши. Наглые и злобные, как все, кого украли черти. Днём их можно найти в одной дыре. Даже могу сказать, где... только, знаешь, я благотворительностью не занимаюсь.

— И чего ты хочешь взамен?

— Ну, я должна подумать.

— Договорились.

Нинель несколько раз моргнула, глядя на меня и пытаюсь сообразить, в чём только что просчиталась. Затем она скрестила руки на груди и решительно заявила:

— Я не участвую в твоих аферах.

На моём лице расползлась довольная ухмылка.

— Разумеется, нет. Но внизу есть раненый, за которым нужно присмотреть.

— Раненый?

— Да. И это... Скажи, ты знаешь, как найти чьего-нибудь Проводника?

— Если бы это было так легко, то на Обратную сторону уже экскурсии водили.

— И нет другого способа выйти отсюда?

Она покачала головой.

— Если только у тебя есть ещё пара богов в

долгу.

Это могло бы решить проблему. В прошлом году мне довелось оказать небольшую услугу богу смерти, оплатой тогда стала свобода Нинель. Как любой обменяш, она целиком и полностью принадлежала той нечисти, что её похитила, а Смерть, как оказалось, в любой своей разновидности — влиятельная особа.

Однако сейчас у меня не было такой роскоши, как исполнение любого желания. Нужно было что-то придумывать самому.

— Попрошу Хозяев присмотреть за ним, — сдалась Нинель. — Но учти, у твоего «раненого» не так много времени — дня три. Я постараюсь проследить, чтобы он ничего не слопал и не застрял здесь навсегда.

— Хорошо, — немного замявшись, я добавил: — Только пусть присматривают домовые. А ты *проследи* .

Она изогнула бровь и едва заметно усмехнулась, но не стала это комментировать.

* * *

Место, где, по словам Нинель, обосновались обладатели акцессии, действительно заслуживало звания дыры. Одноэтажная халупа из кирпича-сырца рассыпалась от времени и

покрывавший её грязи. Железная крыша давно проржавела и прохудилась, а на стенах виднелись бурые пятна, слишком уж похожие на засохшую кровь. Кроме того, развалюха стояла на перекрёстке узкой дороги и железнодорожных путей, а где перекрёсток, там и черти.

Нехорошая, непредсказуемая компания.

— «Гриб и Тухляк», — повторил я, чтобы ничего не перепутать. — Это что, ментовской сериал из девяностых?

Плотно закрытая дверь подалась с трудом, выпустив наружу клубы едкого махорочного дыма. Внутри помещение было похоже на заплёванную «наливайку», где собираются те, кому уже всё равно что, где, и с кем пить. Пара тусклых ламп под потолком едва освещали несколько круглых пластиковых столов, заваленных окурками и пустыми бутылками. На одном из этих столов спало что-то бесформенное. Непонятное существо в фартуке — официант, как я понял, — оторвалось от вытирания рук об этот самый фартук и уставилось на меня.

— Мне нужны Тухляк или Гриб, — громко и отчётливо сказал я, садясь за ближайший к выходу стол.

Не прошло и секунды, как двое, неизвестно откуда взявшиеся, подсели рядом. Они были одеты не то в обноски, не то уже в лохмотья — признак

обменянного. Голова одного из них была похожа на странно вытянувшуюся шляпку гриба, а от второго даже сквозь вонючий дым несло так, что глаза резало.

— Э-э! Любезный что-то забыл в нашей скромной обители, — развязно проговорил первый. — Или, может, он заблудился?

— А может, он хочет с нами чем-нибудь поделиться? — подхватил второй.

— Точно. Делиться — это правильно.

Я попытался придать лицу невозмутимое выражение, что не так-то просто, когда приходится бороться с рвотными позывами.

— Один рогатый болтал, что вы не простые ребята, и умеете всякие необычные штуки делать.

— Слышь, Тухляк, да мы знаменитости, — заржал тот, от которого смердило хуже, чем от помойки. Он потянул шею через стол и уперся в меня свирепым взглядом. — А любезный знает имя того, кто такое говорил?

— Предпочитаю не спрашивать имён. Меня интересует только свиток, и у кого его можно приобрести.

— С чего мы должны рассказывать такие вещи фраерку, от кого воняет смертным? — с вызовом бросил Тухляк.

То, как эти клоуны строили из себя блатных, раздражало. «А от твоего дружка воняет

мёртвым», — подумал я, но вслух сказал:

— Какая разница, как от кого пахнет, если он хорошо платит.

Я вытянул перед собой руку. На ладони лежал довольно крупный, притягательно сверкающий слиток золота высшей пробы.

Гриб довольно ухмыльнулся и потянулся за слитком, но Тухляк вдруг цыкнул, и тот замер.

— Скажи, любезный, почему твоё золото... не пахнет?

Раскрытая иллюзия дрогнула и разом рассеялась. Мне оставалось только изобразить искреннее удивление.

— Клянусь, оно только что было здесь!

— Кинуть нас решил! — Гриб подскочил и стукнул кулаками по столу.

Перевернув руку ладонью вниз, я положил её на середину стола и прошептал:

— Effrego.

Стол с треском разлетелся на части. Один кусок ударил меня в грудь, едва не сбив с ног, но оно того стоило. Мои уже бывшие собеседники, не ожидавшие такого поворота, бросились в стороны, а я тем временем выскользнул наружу.

Позади, в махорочном чаду, прозвучало давно знакомое: «Акцессия Корде», — и мощный удар сорвал железные двери с петель. Следом за этим на улицу вылетел Гриб, в ярости источавший ещё

большее зловоние. Его руки были объаты пламенем — второе, демоническое, сердце насыщало кровь энергией, придающей ударам силу бульдозера.

— Я тебя кровью харкать заставлю! — прорычал он.

В ответ я поднял брови и, понизив голос, проговорил, пародируя кинозлодея:

— Тогда я тебе... сердце... вырву.

Глава 4

Он прокричал что-то, я не расслышал что — подъезжавший товарный состав заглушил его слова своим гудком. Пылающий кулак Гриба нёсся прямо на меня, однако мне не составило особого труда увернуться. Дополнительное сердце придавало ему большую чем обычно силу, но скорость движений оставалась прежней. До скорости Нинель оборванцу было далеко.

Обратная сторона даёт каждому выжившему на ней ребёнку особые умения. Они заменяют магию, которой здесь...

Мысль, затаившаяся где-то в глубине сознания, блеснула яркой вспышкой, заставив меня замереть. Акцессия требует порядочно магии. Если её здесь нет, то как эти парни вообще могут использовать свитки?

Заметив, что я отвлёкся, Гриб пригнулся и

ударил меня плечом. Мы кубарем прокатились по земле, после чего он схватил меня в охапку и швырнул под проходящий мимо поезд.

Видимо, свиток достался ему совсем недавно, и он еще не научился рассчитывать силу. Бросок получился дальше и выше, так что вместо того, чтобы влететь прямо под колёса, я приложился левым боком о вагон и чудом успел ухватиться за какой-то поручень. С большим трудом мне удалось нащупать опору под ногами, но пальцы уже начинали неметь, а перспектива сорваться и быть четвертованным совсем не привлекала. Больше на ребристой поверхности вагона не за что было зацепиться, так что пришлось использовать заклинание разрушения и чудеса ловкости, чтобы проделать в ней пару дыр и взобраться по этой импровизированной лестнице.

Знаете, в кино и книгах герои запросто разгуливают по крышам идущего поезда, однако для себя я обнаружил что это не так-то просто. Вы каждую секунду рискуете потерять равновесие и навернуться на полном ходу так, что костей потом не соберёшь. Не говоря уже о перепрыгивании с вагона на вагон, в моём случае это было больше похоже на простое, осторожное и очень неторопливое переползание.

Впереди — почти в самом начале состава — что-то темнело. Оно казалось большим куском

брезента, небрежно брошенным здесь кем-то, однако подобравшись ближе, я увидел, что на самом деле это огромная ящерица. Видимо, она задремала под мерный стук колёс, а моя возня разбудила её — один глаз был приоткрыт и лениво следил за происходящим.

Я замер, стараясь не провоцировать её. Встретив на Обратной стороне что-то незнакомое, лучше обойти это стороной, чтобы не попасть в неприятности. Впрочем, в той же мере это относится и во всему знакомому, что можно встретить на Обратной стороне. Можете мне поверить, там, где маленький цветочек запросто превращается в огромное плотоядное растение, так и жаждающее оттяпать от вас приличный кусок, лучше опасаться ящерицы, способной проглотить человека целиком.

Тем временем буро-зелёная тварь открыла второй глаз, приподнялась, изогнулась и, несколько раз вздрогнув, отрыгнула мне под ноги обслюнявленный туфель.

— Цы-ыпа-цыпа-цыпа, — позвал я, не представляя, вообще-то, как нужно приманивать рептилий. Ящерица брезгливо повернула морду и попятилась. Тогда, сняв рубашку, я потряс ею перед собой.

— Цыпа-цыпа-цыпа. Хочешь рубашечку? Вкусная рубашечка. Всего тридцать процентов

лавсана. И полиэстера двадцать. М-м-м!
Вкусняшка! Ну давай, иди к папочке.

Тварь высунула свой раздвоенный язык и поболтала им в воздухе. Не успел я опомниться, как она рванула вперёд, выхватила почти новую рубашку у меня из рук и мигом сожрала её. От такой наглости я опешил, и даже не знал, как на это реагировать. Однако добыча всё ещё была достаточно близко. Я уже поднял руку, чтобы наложить Печать связывания, как вдруг за спиной раздался громкий, коробящий скрежет. Спугнутая ящерица юркнула в сторону и, ловко спрыгнув с поезда, осталась далеко позади.

На чисто интуитивном уровне я догадался пригнуться за секунду до того, как пылающий кулак пронёсся над моей головой. Это пламя не обжигало и даже не было горячим; строго говоря, оно вообще не имело отношения к огню. Так лишняя энергия выходила наружу, принимая «устрашающую» форму. Если бы Гриб мог использовать акцессию в полной мере, огонь был бы значительно слабее.

Но, проклятье! Как же от этого уroda воняло!

Я не шучу. Попробуйте следить за движениями противника, когда у вас глаза слезятся. Мне потребовалась пара минут, чтобы хоть как-то привыкнуть к запаху. За это время Гриб трижды едва не размазал меня, а когда понял, что уступает в

манёвренности, просто вогнал пальцы в железо и оторвал крышу вагона, встряхнув её, как простыню.

С точки зрения здравого смысла это невозможно. Чисто технически — тем более. Если кто-то станет рассказывать такое, его в лучшем случае засмеют.

Но сейчас я собственными глазами видел, как лист металла стал податливым и мялся, будто тонкая бумага. Даже если Гриб и не умел обращаться с «Акцессией Корде», с фантазией у него проблем не было. Он использовал окружение, перекачивая магию в предметы и изменяя их свойства. Предыдущий владелец этого свитка был не настолько догадлив.

Я знаю, о чём говорю. Потому что это я убил его.

И, насколько мне известно, «Акцессия Корде» никогда не должна была попасть в чьи-либо руки.

Чёрт! Что случилось в Аду?!

— Слушай, давай прекратим эту бессмысленную драку? — предложил я. — Ну повздорили немного. Ну сломал я мебель. Бывает. Давай просто поговорим и...

Смяв железо в суровое подобие мяча, Гриб швырнул им в меня. К счастью, не прицелившись как следует.

— Бессмысленную драку, говоришь? — прорычал он в ответ. — Ты выдал себя

колдовством, Тесла. За твою голову назначена награда, и я!.. — он ударил себя кулаком в грудь. — Я заберу её!

— Тогда извини. Ничего личного, — наведя руку на остатки крыши под ним, я холодно произнёс заклинание. Железо, на котором стоял Гриб, обрушилось, он свалился на ряды коротких стальных труб, выложенных внутри вагона. Спрыгнув следом, я поднял одну из них и крепко зажал её в руке.

— Кто-то стал смелым! — Гриб вытер грязным рукавом кровь на разбитой губе и ухмыльнулся. — Но такие, как ты, быстро у насдохнут.

Он в очередной раз попытался ударить меня. Блокировав его атаку трубой, я отскочил на безопасное расстояние. Даже лёгкий скользящий удар мог причинить серьёзные увечья, так что следовало держаться подальше, пока не станет ясно, как его одолеть.

Я мог бы попытаться увидеть его ауру, чтобы понять, где находится второе сердце, но это наверняка вытянуло бы всё волшебство из амулета, оставив меня совершенно беззащитным. Я мог бы бить наугад, но это выставляло меня лёгкой мишенью. Можно было сделать ещё много чего, однако всё это с той или иной степенью вероятности привело бы к моей гибели.

Предыдущего владельца демонического сердца я уничтожил, испепелив его. Сейчас у меня такой возможности просто-напросто не было.

Оставалось два варианта: либо заставить Гриба самого указать на своё слабое место, либо...

— А вообще-то ты слабак. Ещё какой слабак, — выбросив погнутую трубу, я подобрал новую.

— Хочешь отвлечь меня? — он ухмыльнулся ещё шире. — Не выйдет.

— Я серьёзно. Знаешь, как собирать энергию на кончиках пальцев и использовать её вместо когтей? Уверен, что нет. Знаешь, как задействовать не только руки, но и ноги? Тоже нет. Поэтому-то ты и слабак. Владеешь такой полезной штукой, а даже не представляешь, на что способен. А вот ещё мне интересно, что ты чувствуешь, когда действие акцессии заканчивается? Небось, в груди ломит?

— Нечему там ломить, — коротко ответил Гриб, приближаясь.

Проблема с демоническими сердцами в том, что они может быть где угодно — хоть в пятке. Да-да, есть и такие твари. Их сердца не сокращаются сами, и, чтобы жить, они вынуждены постоянно двигаться, каждым шагом сжимая мышцу. Похоже чем-то на жизнь акулы, верно? Правда, обзаведясь таким, мой противник должен был уже раз десять помереть.

Следовательно, это не грудь, не руки и не ноги.

Я рассчитывал отвлечь его, направив заклинание в сторону, а сам в это время попытался бы подобраться ближе и расправился с ним одним махом. Удача оказалась на моей стороне: в момент очередного броска огонь на руках Гриба вдруг погас, и он стал открыт как никогда. Однако ему всё же удалось отклонить удар, оттолкнув трубу и походя пнув меня.

— Лучше сдавайся, — я с облегчением выдохнул, поднимаясь на ноги. — Откуда бы ты не черпал волшебство, оно закончилось.

— Закончилось? Не. Цацка даёт сбои, но фраер не врал — хватает надолго.

Только тогда я заметил, что держу лишь небольшой обрезок трубы, а пламя на руках Гриба сконцентрировалось у пальцев, превратившись в короткие «когти», похожие на маленькие реактивные струи. Они свистели и подрагивали, временами меняя свой цвет на бледно-голубой.

Он сделал над собой усилие, чтобы взять пламя под контроль, и его живот ходил ходуном от того, что билось внутри.

— И ты считаешь, что это круто? — с пренебрежением спросил он. — Бабы игрушки.

— А по мне, так эти «бабы игрушки» гораздо эффективнее, — проговорил я, мысленно

выстраивая вокруг себя одну сферу за другой.

— А, понятно. Говорили же, что ты любитель рвать моло... макуло... короче, каких-то лярнов. Расплодились, уроды! Да я таких извра...

Договорить Гриб не успел. Его грудная клетка и большая часть живота взорвались. Чёрное, ещё дымящееся сердце упало в нескольких метрах перед ним и с шипением рассыпалось в пепел, оставив после себя длинную полосу разрисованного пергамента.

— Много болтаешь, — процедил я сквозь зубы. — Сказал же, вырву тебе сердце.

Отвод глаз рассеялся. Гриб ещё несколько секунд смотрел в пустоту, а затем упал навзничь, брызгая густой алой кровью.

Мне понадобилось около минуты, чтобы прийти в себя. Создавать морок вот так, на скорую руку, за такое короткое время — это потребовало уйму энергии. Я выкачал из амулета больше, чем следовало.

Подобрав пергамент, я вернулся к Грибу и присел рядом, осматривая тело. На рукаве обнаружился нашитый жетон, похожий на те, что носят на форме полицейские. Он действовал так же, как и мой амулет, только был в разы совершеннее. Становилось всё интереснее: какой-то «фраер» раздавал всякой шушере опасные вещи. И скорее всего, что он же назначил за меня награду.

Он... или они. Какую цель они преследуют?

Кто-то спрыгнул в вагон. Я вовремя заметил, что серая фигура стремительно приближается, и отпрянул.

Два ряда острых зубов клацнули друг об друга, едва не ухватив меня за плечо. Тухляк, о котором я уже успел позабыть, умудрился как-то догнать поезд и...

Проклятье! Он пытался укусить меня!

Посмотрев на тело своего подельника, он пригнулся и просипел, капая слюной:

— Ты завалил братана. Ты!

Понимая, что дело принимает дрянной оборот, я стал искать выходы из ситуации, заодно пытаясь отвлечь Тухляка.

— Он сам виноват. Не хотел уладить...

— Ты завалил братана!

Нужно было срочно уходить. Амулет уже почти истощился, а здесь слишком уж многие не против отведать свежей человечинки.

Вот только я даже не представлял, как сойти с поезда, не останавливая его, и при этом не переломать себе все кости. Понадеяться на счастливый случай и попытаться разорвать Тухляка на куски так же, как и его приятеля? Однако опыт подсказывал мне, что он не зря пустил в ход зубы, и в первую очередь следует опасаться их.

Тухляк что-то глухо пробормотал, и в воздухе

ясно ощутилась наполнившая его мощь. Тухляк, казалось, задумался о чём-то, открывшись для нападения. Но стоило сделать шаг, как вдруг он встрепенулся — будто задремал, а теперь изо всех сил пытался проснуться — и медленно поднял голову. Посреди его лба блестел изумрудно-зелёный демонический глаз. Он бешено рыскал из стороны в сторону, изредка задерживаясь на чём-то, пока не остановился на мне. Зрачок дрожал, готовый снова сорваться с места, какие-то блики, похожие на искры, жутковато вспыхивали в его глубине. Моргнув всеми своими тремя глазами, Тухляк безумно захихикал и проговорил:

— Видел... Я видел все твои шаги!

Глава 5

«Акцессия Окуляр» — всевидящее око. В отличие от предыдущего свитка, об этом я только слышал. Демонический глаз позволяет своему владельцу видеть все варианты будущего на несколько секунд вперёд. Нечестный приём, не правда ли?

— Видел. Всё видел, — повторил мой Тухляк. Образы, показанные ему третьим глазом, наверняка роились в его голове, понемногу сводя с ума. — Тебе меня не обмануть!

Его лицо перекосила неясная гримаса — не то

боли, не то дикого торжества, и он снова захихикал.

Ситуация явно вышла из-под контроля. В нашем распоряжении было не больше полусотни квадратных метров замкнутого пространства. В компании буйного полупомешанного, знающего все ваши возможные действия, это очень мало, поверьте. А Тухляк не собирался давать мне шанса на побег. Он бросился в атаку с восторженным хохотом, то и дело пытаясь укусить. В сравнении с ним Гриб был не более чем «утомительной помехой», Тухляк же оказался куда опаснее. Каждый раз, когда я пытался отбиться, он предугадывал моё следующее движение и нападал с самой неожиданной стороны. Чтобы одолеть его, надо было знать временной промежуток, на который способен заглядывать демонический глаз, и сделать так, чтобы у будущего не было вариантов.

Знать бы только, как такое провернуть.

Вытянув перед собой правую руку и приготовившись в любой момент произнести заклинание, я неторопливо проговорил:

— А ты не думал, что меня невыгодно убивать.

— С чего б это? — облизнулся Тухляк.

— Да очень просто. Пока я не пойман, тебя будут снабжать волшебством, так? Тебе же нравится волшебство? Но как только Виктора Теслы не станет, ты окажешься ненужен своему...

работодателю. Отпусти меня, и все будут только в выигрыше.

— Дурак, — он хихикнул и наклонил голову. — Ты дурак. Награда-то... получше будет.

Он бросился на меня, двигаясь по кривой, короткими перебежками. Брошенное заклинание прошло мимо и рассеялось в стене. Сам я увернуться не успел, Тухляк сбил меня с ног и схватил за шею, собираясь задушить. Всё это время он безумно смеялся, из искривившегося уголка его рта капала слюна.

Не пытаясь сопротивляться, я просто приложил ладонь к его животу. Демонический глаз моего противника увидел сотни вариантов его возможной смерти — в ту же секунду Тухляк отпустил меня и отскочил. Я пополз назад, пока не уткнулся спиной в стену и, продолжая внимательно следить за ним, стал осторожно пробираться вправо.

Чёрт! Кто-то не только раздал акцессии всем желающим, но и пообещал взамен них что-то покруче. Кто это мог быть, и какова награда?

— Не-ет, ты меня не обманешь! — торжествующе прошипел он. — Видел, как ломаешь железо левой рукой. Хочешь выбросить меня? Не-ет. Больше не попадусь!

Меня начинало не на шутку раздражать, как он говорил обо всём в прошедшем времени, будто

не просто знал, а уже переживал то, что может случиться. Впрочем, в накатывавших на него видениях будущего он вполне мог перестать различать реальность и иллюзии.

Но пока я не намеревался ничего делать — только собрать как можно больше информации.

Если повезёт.

Внезапно стена, на которую я опирался, разом исчезла. Подточенная заклиниванием, она буквально рассыпалась на мелкие кусочки от сильного порыва ветра. Так мне показалось.

Рано, слишком рано!

Тухляк, как и я, не ожидал такого поворота. Он сдавленно крикнул за секунду до того, как я, кувыркнувшись, вывалился из идущего на полной скорости поезда.

Мне лишь на мгновение удалось схватиться за что-то, но покотившиеся трубы не позволяли удержаться. Собрав последние силы, я нашёл под ногами опору и оттолкнулся, полетев на землю. Острый щебень насыпи обжёг и расцарапал голую спину, однако это совсем не волновало меня. Единственным желанием было не свернуть себе шею. Да и это, вообще-то, казалось невыполнимым.

Резкая, жгучая боль пронзила правое плечо. Очки треснули и, развалившись пополам, остались где-то позади, а я всё катился и катился. Злобный крик Тухляка, уносимого составом, перекрыл даже

грохот колёс. Он обещал найти меня и расправиться.

Раньше остальных.

Немного придя в себя, я попытался встать. Правая урка была выбита из сустава, ноги не слушались и всё норовили идти в разные стороны, а по лицу стекала густая, тёплая кровь.

Но, чёрт! Я был жив. Было больно, но я был жив.

Вдали, под мостом автотрассы, сверкнул разлом. Всё еще с трудом контролируя себя, я пошёл на свет — эти проклятые порталы имеют особенность открываться где им вздумается и закрываться в самый неподходящий момент.

Добравшись до разлома, я буквально ввалился в сверкающий поток, похожий на маленький водопад, и он нехотя пропустил меня, разбросав шипящие брызги.

Сотни, тысячи звуков тотчас навалились со всех сторон. В материальном мире уже стемнело, фонари вдоль железнодорожной линии горели через один, едва освещая рельсы и отражаясь в них длинными узкими полосами.

На путях что-то пошевелилось, будто перевернувшись с боку на бок. На сегодня мне было вполне достаточно приключений, так что я поднял левую руку, с трудом удерживая её вытянутой, и приготовился пустить на мясо любую

тварь, которая только попробует взглянуть в мою сторону.

Фигура на путях снова пошевелилась и приподнялась. Я с трудом различил в ней человека, но всё равно был настороже.

— Нет-нет-нет! — запричитал человек на рельсах. — Оставьте меня хоть сейчас. Что я вам сделал?

Подойдя ближе, я пригляделся. На вид ему было чуть больше тридцати. Кореец, хотя в чертах его лица просматривались и другие народы, что не редкость для этого города. Он был прилично одет и находился в своём, казалось, уме. В глаза бросались лишь его светлые волосы: не то самоубийца был блондином, не то красил их — в полумраке сложно было разобрать. На безымянном пальце поблёскивало обручальное кольцо, а нагрудный карман лёгкой рубашки заметно отвисал: судя по форме, там лежал телефон.

И всё же человек выглядел глубоко несчастным.

— Что вам опять надо? — грустно повторил он, напомнив мне меланхоличного Иа из старого мультфильма. — Что вы ещё от меня хотите?

Я хотел пошутить про одежду и мотоцикл, но сдержался. И сказал:

— Мне нужен твой кошелёк.

Самоубийца глубоко вздохнул и,

отвернувшись, ответил:

— Не дам.

Доковыляв до него, я сел на рельсы, осторожно потирая вывихнутое плечо.

— Суставы вправлять умеешь?

— Нет.

— Жалко.

— Что жалко? — он со слабым интересом посмотрел на меня. — Ты кто?

— Экстрасенс, — ответил я с напускной серьёзностью. — Что, никогда не видел экстрасенсов?

Самоубийца собрался было что-то сказать, но только махнул рукой и отвернулся.

— А, всё равно.

Мы немного помолчали. Наконец, подняв лицо в ночному небу, я спросил:

— Что, в магазине увидели твою унылую рожу и не продали верёвку?

— С чего ты?..

— Ну, я же экстрасенс. Кстати, ты не мог бы переложить телефон в другой карман?

— Зачем?

— В этом его может раздавить, а я собирался забрать твои шмотки после... Да, кстати, может часы сразу снимешь? Или лучше подождать, когда тебе руки отрежет?

Он с ужасом уставился на меня.

— Хочешь обобщить мой труп?

— Конечно! Мертвому тебе это добро незачем, верно? А мне пригодится.

Уже несостоявшийся самоубийца поднялся и быстро пошёл в сторону дороги. Меня это возмутило, он уносил на себе мои будущие вещи!

— Эй! Ты куда? — я попытался догнать его, хотя тело по-прежнему плохо слушалось. — А ну, ложись на рельсы!

— Расхотелось, — угрюмо пробурчал он.

— Но...

— Да пошёл ты! Экстрасенс хренов.

Расстроенный и совершенно разбитый, я поплёлся домой. Это не очень приятно — в таком вот виде шататься по людным улицам. Прохожие, как и следовало ожидать, пугались и отшатывались от полуголого человека, избитого и едва передвигающего ноги.

Так я прошёл мимо телебашни, изредка огрызаясь на едкие замечания, оставил позади сверкающий огнями аквапарк, не на шутку напугал несколько омерзительно слащавых парочек, рассеявшихся у фонтана возле кинотеатра. Я бы ещё много чего успел сделать, но вскоре меня остановил милиционер: тщедушный парнишка в форме, широковатой ему в плечах. Он что-то хотел спросить, наверное, документы, но вместо звуков издавал только невнятный гул. Затем он раздвоился

и завертелся, покачиваясь из стороны в сторону. А когда он протянул руку и попытался взять меня за локоть, все огни вдруг погасли. Стало совсем темно; только твёрдая, ужасно твёрдая и не по-летнему холодная мостовая больно ударила меня по виску.

Секунду спустя я проснулся в больничной палате.

Вокруг пахло бинтами и спиртом. Это один из тех запахов, который никто и никогда не хотел бы чувствовать. Этот запах напоминает о неисправностях человеческого тела.

Звуки возвращались медленно, нехотя. Сначала они были неясными — то собирались в обрывки бессвязных фраз, то снова расплывались, сливаясь в монотонный звон. Я не сразу понял, что этот звон существует только у меня в голове. Рука нащупала край прохладной простыни, я ухватился за него и потянул на себя, одновременно пытаюсь поднять ставшую свинцовой голову. Чья-то тёплая рука, пахнувшая совсем иначе, нежели эта палата, зажала мне рот.

— Тихе, тихе, — шёпотом успокоила Кария. — Всё хорошо, Виктор, не надо кричать. Это был яд, просто яд. Теперь всё в порядке.

В сознании всплыли смутные воспоминания о трёхглазом психопате, брызгавшем слюной направо и налево. Она, кажется, попала мне на кожу.

Проклятье. А что было бы, если б он меня всё-таки укусил?

— По-моему, это входит у тебя в привычку, — строго проговорила Кария. — Каждое новое дело начинается с того, что ты валяешься полумёртвым неизвестно где. Я же велела быть осторожнее.

— Кари, — слабо позвал я, — как ты узнала?

— Ясень передал, — невозмутимо ответила она. — Он видел тебя в окно.

Фыркнув, я повернул голову влево и пробурчал:

— Стукач.

— Окно в другой стороне. И не обижай его, это я попросила.

Спорить с ней не имело смысла. Если обычные дриады, ярые соперницы «зелёных», не более чем духи-хранители лесов, то гамадриады вроде Карины — их богини. Сама Кария скромно называет себя последней гамадриадой на свете. Иногда я начинаю подозревать, что так она хочет повысить свою значимость.

— Еле успела, — продолжала она. — Три противоядия ввела... Да, руку тебе и без меня вправили, но постарайся пока не перенапрягаться.

Наконец мне удалось разлепить веки. Однако едва глаза привыкли к яркому электрическому свету, я прикрыл их ладонью и шумно выдохнул.

Может быть, Кария и всемогущая богиня — повелительница деревьев и трав, возможно даже, что она ценная сотрудница, обладающая широчайшими познаниями о мире сверхъестественного, но всё же у неё своеобразные понятия о быте «смертных». И о нормах морали в особенности.

Скажем так, она не слишком-то понимает различия между медицинским халатом и костюмом медсестры из «фильмов для взрослых». Но тем не менее...

— Кари, — я слегка улыбнулся. — Спасибо.

— Ты же мой работодатель.

— Да-да. А теперь помоги мне встать. Нам надо торопиться.

Глава 6

Нахмурившись, дриада упёрла руки в боки.

— Ты совсем не слушал? Тебе нужен отдых, Виктор!

— Некогда отдыхать, нам всем грозит опасность.

Я, конечно, преувеличивал — опасность грозила, в основном, мне; в сознании ясно маячил образ листовки «Разыскивается! Живым или мёртвым!» с моим портретом, где слово «живым» было старательно перечёркнуто. Однако Кария на

самом деле не беспокоилась обо мне, как вам могло показаться. Она только училась беспокоиться о ком-то кроме себя, а ступившего на этот тернистый путь ждёт множество ошибок и неудач. Мне не хотелось становиться одной из этих ошибок, поэтому казалось вполне допустимым воззвать к инстинкту самосохранения Кари.

В конце концов, кроме инстинкта размножения у неё должны быть ещё хоть какие-то. Должны же?

Тут я вспомнил кое-что важное и напрягся.

— Кари, одежда! Где моя одежда?

Дриада бросила на кровать свёрнутые джинсы и скрестила руки на груди.

— Ты об этих лохмотьях?

Я приподнялся и, устроившись полусидя, обшарил карманы. Свиток был на месте. И на нём был идентификационный номер. Всё сходилось.

— Из-за этой бумажки тебя так избили? — спросила Кария, рассматривая акцессию.

— Не, это я из поезда выпал.

Она удивлённо выгнула бровь, но промолчала, ожидая дальнейших объяснений.

— Заклинание свитка, — сухо добавил я.

— Никогда не слышала. Оно имеет какое-то отношение к тем, кто напал на тебя? Ты выяснил, кто это?

— Нет, но... проклятье! Кто-то просто

раздарил эти свитки кому ни попадя! — глубоко вздохнув, я взял себя в руки. — Акцессия даёт владельцу способность выращивать демонические части тела. Все свитки должны были оставаться в Уна Дит. Но кто-то выкрал их и принёс сюда. Слушай, я столкнулся с акцессией в Аду, когда служил в Гвардии...

— Стоп, Виктор! — остановила меня Кария. — Какая, к чёрту, «гвардия»?

— Не перебивай. Это что-то типа... полиции. Да, пожалуй, так. Только поле влияния у Гвардии шире — почти все миры Оси.

— Хватит! Это слишком сложно для моей бедной маленькой головы! Давай ближе к делу, «техад ский рэйнджер».

Верно. Я поймал себя на мысли, что готов удариться в воспоминания, будто столетний старик. С другой стороны, как давно это было! Сколько лет уже прошло? Семь? Или больше?

Хорошее было время. Прошое всегда кажется в чём-то лучше. Одни считают, что так оно и есть, а другие — что это не более, чем глупая ностальгия. Я же уверен, что ошибаются и те, и другие. Прошое кажется нам лучше потому, что все проблемы, с которыми мы сталкивались когда-то, теперь так или иначе решены, и уже не кажутся такими уж сложными. Однако и называть светлую тоску по былым временам глупой тоже

нельзя, ведь зачастую это то, что помогает людям жить и надеяться. Без прошлого всё теряет смысл, разве не так?

Но иногда оказывается, что старые проблемы так и остались нерешёнными или, что ещё хуже, были решены не так, как следовало бы.

Кажется, именно это и произошло.

Когда я служил в Гвардии, то был уверен, что мы поступили правильно, запрятав свитки подальше в хранилище. Акцессии давно следовало взять под контроль, но они всегда были слишком разрознены, и отыскать все не представлялось возможным. Пока один не очень-то хороший парень не задумал собрать свою собственную маленькую армию. Это был шанс. Тот, что называется «один из миллиона». Воспользовавшись им — хоть и с трудом — нам всё же удалось завладеть всеми свитками. Мы были уверены, что они больше никогда не покинут хорошо защищённые подземелья Уна Дит.

Неужели мы ошиблись?

— Кари, то, что я сейчас скажу, может спасти тебе жизнь, — продолжил я, собравшись с мыслями. — Поэтому слушай внимательно. Если вдруг столкнёшься с носителем акцессии — любой, пусть даже самой безобидной на первый взгляд — ни в коем случае не пытайся геройствовать.

— Ну да, сам-то ты соблюдаешь свои же

советы, — с издёвкой заметила Кария.

Я бы возразил, но возразить было нечего. Впрочем, сейчас важнее было предостеречь её от необдуманных действий, чем спорить по пустякам.

— Запомни: носитель, в совершенстве владеющий демонической частью, чрезвычайно опасен. Он отлично понимает свои сильные и слабые стороны и использует их, чтобы уничтожить противника. Нам не повезло: похитивший свитки раздал их всякому сброду. Большинство нынешних носителей не имеют никакого представления о том, как управляться с акцессией. Поэтому они вдвойне опасны. Благо время действия акцессии ограничено. Официально зарегистрированный максимум — тридцать минут сорок семь секунд. Если носитель — слабый волшебник или вообще человек, то время вообще сокращается до пяти-шести секунд. Всё зависит от уровня доступной магии. Не обольщайся, за пару секунд он вполне может наломать дров. Зато как только заклинание перестаёт действовать, выращенные органы исчезают. Это доставляет жуткую боль, и в этот момент носитель уязвим как никогда.

— То есть «пережди бурю и добей», — подытожила Кария.

Я кивнул.

— Окей, возьму на заметку, — прислушавшись, она быстро отошла к раскрытому

окну. — Кто-то идёт.

В дверь осторожно постучали, она скрипнула, приоткрывшись, и в щель заглянул запыхавшийся Вертинский со скрипичным футляром под мышкой. Увидев, что я в сознании, он прошмыгнул в палату, но тут же встал как вкопанный, обнаружив Карию.

— О... — скрипач кашлянул и зачем-то отвернулся. — Простите, я опять не вовремя.

— Нет-нет, — качнул головой я. — Она уже уходит.

Вертинский снова кашлянул и принялся поправлять воротник.

— Я не знал, что у... вы тут... Я просто зашёл к вам домой, но ваша...

— Секретарь, — подсказал я.

— Секретарь! — подхватил Вертинский. — Она выбежала, крикнула, что вы в больнице. Я-я беспокоился. Наверное, мне надо извиниться. Не думал, что всё может обернуться вот так. Я заплачу за работу.

Он несмело подошёл к тумбочке возле кровати и положил на неё солидно располневший конверт. Такие моменты — когда вам платят за не сделанное дело — внушают веру и надежду в род людской. Не то, чтобы я готов был «возлюбить ближнего своего» — нет. Но при виде такого широкого жеста можно было поверить в сострадание. Вдруг этот странный скрипач снова

захочет заплатить ни за что?

— Борис, а в чём ваша выгода? — не удержался я.

— Выгода? — он задумался. — Да нет никакой выгоды.

— Вы наняли меня лишь потому, что совершенно незнакомый вам человек попал в беду. Совершенно бескорыстно?!

Скрипач пожал плечами.

— Ну да. Это же естественно — помогать другим.

— Естественно? Естественный отбор — вот то, чего никто не отменял. Выживает сильнейший. Монстр схватил кого-то, но не вас, и это здорово! Разве не так?

Он схватился за воротник — нервный тик, как я понял — и запинаясь проговорил:

— В-в каком ж-жутком мире вы живёте. Всё ведь совсем не так.

— Разве?

— Вы протягиваете руку помощи кому-то. Он — другому, и так далее. Какой смысл в том, чтобы быть врагами всем и каждому? Вместе ведь легче выжить. Вместе люди могут быть счастливыми.

— А поодиночке?

— А поодиночке — только одинокими. Я так думаю.

— Хорошо, — я развернулся к нему, свесив

ноги с кровати. — А если вы поможете кому-то, а он в ответ втопчет вас в грязь и пойдёт дальше? Что тогда?

— З-зачем вы всё это спрашиваете?

— Хочет убедиться, что это вы ненормальный, а не он, — вмешалась Кария. — Вы выбиваетесь из системы мироустройства Виктора.

На лице Вертинского появилось что-то вроде замешательства. Он положил скрипку на тумбочку и пододвинул стул.

— Вы, наверное, несчастны, да? Я знаю, что вам поможет.

После таких слов я ожидал от него чего-нибудь вроде сеанса психологической помощи или приглашения присоединиться к очередной секте. Однако он имел в виду совсем другое.

— Вы слишком корыстны, — заявил он. — Попробуйте помогать нуждающимся не ради награды, а за простое «спасибо».

Вертинский, вероятно, думал, что это покажет мне, насколько люди могут быть благодарными, а заодно и возродит веру в их чистые и добрые души. Но он не учёл одного.

Я прекрасно знаю, что такое благодарность, и слышал это его «простое спасибо» не один десяток раз. И всё же я предпочитаю, чтобы мне были не благодарны, а обязаны. Долг — более твёрдая валюта. Твёрже, чем золото, нефть и всё остальное

вместе взятое.

— С моей работой можно как минимум преждевременно поседеть. Поэтому я не собираюсь рисковать задаром.

— Учитывая, что Виктор постоянно получает кучу травм, — прозвучал голос Азамата за дверью, — он и так работает себе в убыток.

Некромант вошел в палату и, прислонившись к стене, добавил:

— Поделом вам. Отныне буду звать вас «истинным последователем Аратаки Рэйгена». Не против?

— Твои шутки всё равно никто не понимает, — огрызнулся я. — Ты-то зачем пришёл?

— Меня подбросил он, — Азамат кивнул на Вертинского. Скрипач открыл было рот, чтобы что-то добавить, но я опередил его.

— Послушайте меня, вы не альтруист. То есть, может быть, вы так считаете, но альтруистов на самом деле нет. На самом деле вы — загадка, и я разгадаю вас, хотите вы того или нет. А теперь... все — пошли вон. Меня положили в больницу, мне нужен покой и отдых. Ну, марш выполнять просьбу больного!

Борис пожал плечами и вышел, Азамат нехотя последовал за ним. Стоявшая в углу Кария метнула в меня сердитый взгляд и, обратившись в облачко сиреневого дыма, вылетела на улицу. Её

опустевший наряд медсестры с лёгким шелестом упал на пол.

Я снова лёг и повернулся на правый бок, подтянув одеяло к самому подбородку.

С какой стати моя жизнь так заботила их? Нет, можно понять мотивы Карики, которой нужна бесплатная крыша над головой. Меня не удивляло отношение Азамата — всё же я подкидывал ему работу, и достаточно прибыльную. Но остальные... Тот же Вертинский? Или Нинель, пусть даже и грозящая убить меня при случае? Да я мог назвать ещё с десятков других людей! Какой им прок от моего существования?

Я поймал себя на мысли, что начал подозревать, будто упускаю нечто важное — то, что бывает неподвластно разуму. Чувства. Они всегда доставляли мне одни неприятности, поэтому уничтожались на корню, если только не были полезны в данной ситуации. Но сейчас среди них возникло ещё одно — которое не появляется разом, а накапливается постепенно, лишь усиливаясь со временем.

Привязанность.

Среди моих знакомых появились те, кому я стал доверять чуточку больше, чем мог себе позволить. Они стали небезразличны мне.

А это для них очень опасно.

— Ого! Очнулся! — прогремело у меня над

ухом. — Вот так сюрприз!

Видимо, я задремал, раз не заметил, как кто-то ещё вошёл в палату. Над кроватью навис мужчина лет тридцати в медицинском халате — куда более похожем на медицинский, нежели тот, что раздобыла Кария. Из засаленного кармана торчал шоколадный батончик; второй такой же, открытый, медик держал в руке.

— Ты к нам в таком состоянии поступил, — пробубнил он, одновременно жуя шоколад, — думали, не выкарабкаешься. Честно говоря, первый раз с таким отравлением сталкиваемся. Тебя что, не учили не запивать молоком селедку?

Я отвернулся.

— Не смешно. Пусть пришлют нормального врача.

— А я не врач, — весело ответил тот. — Я медбрат.

— Тем более.

— Да расслабься ты! Сейчас всё вмиг поправим!

Он небрежно прощупал мне пульс на запястье, продолжая жевать и считая вполголоса. Затем проверил реакцию зрачков и осмотрел шею. Я невольно обратил внимание на его руки — ухоженные. Можно даже сказать, холёные. Они были больше похожи на рабочий инструмент, за которым тщательно следят и который оберегают

больше всего.

— Доктор? — обратился я.

— Медбрат, — поправил он. — Да ты в полном порядке! Ещё пару укольчиков, и выпишем! Так, не дёргаемся...

Ухмыльнувшись, я повторил:

— Доктор? Что со мной?

— Я не доктор! — он понял что сорвался, и быстро успокоился. Его реакция мне понравилась — так обычно реагируют только те, кто отучился на врача достаточно долго, и обижаться на ошибки пациентов вошло у них в привычку.

Эта привычка выдала его.

Тем временем он набрал в шприц какой-то дряни и вколол это прямоком в систему капельницы.

— Пока понятия не имею, что это были за яды, — проговорил мужчина, выбрасывая шприц. — Но вскрытие покажет.

— Не-а, — ответил я, показывая ему иглу капельницы. Должно быть, Кария вынула её после того, как ввела свои противоядия — игла просто лежала рядом с моей рукой под одеялом, остатки лекарств тонким ручейком стекали на пол.

Он втянул воздух сквозь сжатые зубы и сдавленно выругался. Предупреждая нападение, я подтянул колени к животу и с силой распрямился, пнул «медбрата» в живот. Он полетел на пол, но

успел схватиться за кровать и только застыл в нелепой позе, выронив недоеденный батончик. Это расстроило его больше, чем неудавшееся покушение — мужчина выругался ещё громче и яростнее. Он одним движением потянул кровать на себя, намереваясь подняться, однако, к счастью, поскользнулся на лужице, натёкшей из капельницы, и снова упал. Этой заминки мне хватило, чтобы сгрести в охапку свои джинсы и рвануть из палаты. На ходу я прихватил оставленный Вертинским аванс, тогда же заметил забытую им скрипку. Чёрт меня дёрнул вернуться за инструментом — стоило взяться за ручку футляра, как сильные пальцы сомкнулись на моей лодыжке. Нечленораздельно послав нападавшего по всем известному адресу, я отчаянно потоптался свободной ногой на его руках, пока он не отпустил меня, взыв от боли.

Вскочив, неудачливый убийца метнулся к двери, отрезая мне путь.

— Ха, не ошибся! — выкрикнул он, потирая отдавленную кисть. — Это ты — Виктор Тесла!

— Тесла то, Тесла сё... — протянул я, отступая назад. — Почему бы сначала не сказать, какие ко мне претензии? Сколько вам за меня обещали?

— Сколько? Ошибаешься. Нас интересуют не деньги.

Что он имел в виду, говоря «нас»? Не

заказчиков ли, так бездумно распространивших свитки?

— Знаешь, странно слышать о мести от незнакомого человека.

— Незнакомого? — он вытер рукавом кровь под разбитой губой. — Моё имя прекрасно тебе известно, Тесла, хоть нам и не доводилось встречаться прежде. Или ты уже забыл, кто такой «Хирург Марти»?

Мои колени подкосились, я едва не запутался в собственных ногах, услышав это прозвище. Нет, этого просто не могло быть.

— Вижу, что помнишь, — продолжал он. — Но сперва... у тебя есть одна вещь, которая очень нужна мне, и так или иначе — я заберу её. А потом ты сполна отплатишь. И за смерть капитана, и за всех остальных.

— Смерть? — переспросил я, чувствуя, что язык плохо слушается меня. — Этот псих жив, прохлаждается во льдах Коцита.

— Он был бы жив! — рявкнул Марти, сжимая кулаки. — Если бы оставался там.

Я хотел спросить его, что за чертовщина творится в Аду, но натолкнулся на подоконник. Отступать дальше было некуда, оставался только один выход. Резко развернувшись, я не глядя выпрыгнул в окно.

Второго этажа достаточно, чтобы переломать

себе ноги. А четвёртого тем более. Особенно если вы не умеете использовать магию для приземления. И хотя оно звучит проще, чем делается — не буду устраивать вам нудную лекцию — чтобы воспользоваться этим трюком, нужно понять хотя бы первый принцип укрепления органических тканей. Не говоря уже о семи остальных. Но в этом мире, где магию используют едва ли не на первобытном уровне, мне пока не встречался волшебник или маг, который сумел бы додуматься до такой простой вещи.

Едва почувствовав под босыми пятками острые камни асфальтированной дорожки, я перемахнул через скамейку, пересёк газон и оглянулся. Белое пятно, хорошо заметное в предрассветных сумерках, упало с четвёртого этажа следом.

Марти хотел догнать меня, но вырвавшиеся из-под земли колючие лозы обвили его со всех сторон, не давая пройти.

— Беги! Беги! Тебе всё равно не сбежать! — крикнул он вдогонку. — Мы найдём тебя, Виктор Тесла!

Мысленно поблагодарив Карию за помощь, я бросился прочь.

* * *

Мужичок в годах, совершавший утреннюю пробежку, прибавил скорости, чтобы нагнать меня, усмехнулся в густые усы и, подмигнув, спросил:

— Что, музыкант, не задался концерт? Муж вернулся?

Я не мог ему ответить, потому что держал в зубах пачку денег, однако уже через секунду женская рука изящно выдернула её. Повернув голову, я увидел рядом с собой Карию.

— Можешь сбавить темп и надеть штаны, он не скоро выберется.

— Где Вертинский с Азаматом?

— Не знаю, пошли по домам, наверное, — рассеянно пробормотала она, пересчитывая деньги.

Мужичок потрясённо смерил Карию взглядом, особо задержавшись на тех её частях, которые во время бега жили собственной жизнью, и осторожно отдалился. Торопливо натянув потрёпанные джинсы, я вручил дриаде скрипку и приказал:

— Дуй домой. Созвонись с Азаматом — предупреди его, чтобы был осторожнее, за ним могут следить. И сама тоже будь внимательней. Мне надо связаться со стариками.

— Оделся бы для начала. Что за спешка?

— Встретил кое-кого! — крикнул я уже на бегу.

Наши проблемы больше, чем казались.

Одну из них зовут Мартин де Кальма Роза.

Глава 7

Наверное, пора уже объяснить, что к чему.

Я уже упоминал как-то, что Ад — не обитель падших душ. По крайней мере, последние пятьсот лет. Он ведь тоже «не резиновый», а праведники встречаются на этом свете не настолько часто, чтобы поддерживать баланс. Всерьёз столкнувшись с угрозой перенаселения, потянувшей за собой кризис всей административной системы, адское руководство (ну, вы понимаете, о ком я), заключило сделку с теми, кого принято называть «Небесами». Итогом этой сделки стал лаконичный и беспрецедентный указ: «Грешников не принимать». Под лозунгом «Сообща благоустроим пекло!» край бурлящих котлов был превращён в курорт, куда стекались бы толпы восторженных туристов со всей Великой Оси — скопления полусотни наиболее развитых миров. Хватило всего пары веков, чтобы Ад стал утопией, где правила роскошь, развлечения, беззаботность и девиз: «Мы те, кто мы есть. Не больше. Но и не меньше».

Немногие знали, каких трудов стоило поддерживать эту утопию на плаву. Не все обитатели Ада были согласны с текущим положением дел: кому-то хотелось больше власти, кому-то — острых ощущений. Находились и те, кто

просто не дружил с головой.

Среди последних был Сири Кэролл. Когда я говорил о человеке, который хотел собрать армию из носителей акцессий, то имел в виду его. Построив летающий корабль, спятивший фанат «Алисы в Зазеркалье» набрал команду себе под стать и принялся терроризировать Ад. Сири называл себя «авантюристом» и считал, будто то, что он творит, жутко весело.

Мартин де Кальма Роза был его правой рукой, его самым верным последователем и, наверное, настолько же сумасбродным — только куда более жестоким. Так о нём говорили.

Лючия де Кальма Роза была моим куратором. Я никогда прежде не видел её брата, знал только, что он считался тем «уродом», без которых не обходится ни одна уважающая себя семья. Наполовину человек, наполовину демон, он не унаследовал и сотой доли тех сил, что были у Лючии, зато в медицине и связанных с нею дисциплинах достиг больших высот. К сожалению, Марти направил свои способности не в то русло.

Когда Сири Кэролл был схвачен и навечно заточён в ледяную тюрьму, Мартин куда-то сбежал — ни слуху ни духу — всё-таки первый помощник из него вышел так себе. Я и не думал, что когда-нибудь он снова может появиться.

Свиток «Акцессия Алаэ» был установлен у

меня на спине по его записям. Должно быть, Марти очень расстроился, когда узнал, что я стащил у него из-под носа такое заклинание.

Но он говорил «*мы*». Кто ещё с ним?

Между тем солнце уже взошло, и утренняя свежесть быстро рассеивалась, уступая место его лучам, пока только готовящимся стать из ласково-тёплых невыносимо жгучими. Сбавив темп, я прошёл по ещё не слишком оживлённому шоссе и нырнул под мост — в полумрак и прохладу, где даже шум машин, потоками пронесившихся прямо над головой, стихал и превращался в далёкие шорохи. С другой стороны, среди подземных гаражей, мне встретилась девочка, пытавшаяся приручить какого-то элементаря. Узнав меня, она сразу же вызвалась показать, где сейчас владелец этого места.

Стариков оказалось даже двое. Они неторопливо пили чай, болтая о чем-то и попутно играя в нарды на большой, обильно украшенной и, подозреваю, дорожкой как чёрт знает что, доске. Кубик ударялся о её борта, отскакивал, крутился на одной грани и, казалось, этим вводил стариков в транс.

На самом деле им просто было скучно.

Тот, что помладше — Ибрагим — был одет в лёгкие штаны и футболку, заляпанную чем-то бурозелёным. Его учитель — старый колдун Усто

Алишер, предпочитал одеваться более консервативно: в своём неизменном синем халате он выглядел так, будто сошёл прямиком с выцветших фотографий старого Ташкента. Заметив меня, старики приободрились, Ибрагим достал третью пиалу и налил в неё чаю.

— Виктор! Тоже ищите спасение от жары? — улыбнулся Усто Алишер, смахивая платком капли пота со лба. Однако затем его лицо стало серьёзным, он сдвинул брови и сказал: — Я бы спросил вас, как дела, но вижу, что не очень.

— Пустяки.

— Значит, новое дело, — подытожил Ибрагим, передавая чай. — После того, как ты поработал на Смерть...

— Бога смерти, — поправил я.

Старик пожал плечами.

— Одна из её разновидностей. Так кто на этот раз?

— Несколько сразу. Скрипач-альтруист хочет, чтобы я затолкал демонического хищника обратно в пекло. Второй клиент, застрывший в мире духов, хочет, чтобы я вытащил его. Клиента, в смысле. А команда мстителей хочет видеть меня мёртвым. Ничего особенного.

— Слишком уж спокойно вы об этом говорите, — заметил Усто Алишер. — Не стоит недооценивать опасность.

— Недооценивать? — я качнул головой. — Нет. Неизвестность порождает страх. Если знаешь, с чем столкнулся и чего от этого ждать — нечего бояться.

— Верно. И чего же можно ждать от этих «мстителей»?

— Всего.

Старики переглянулись.

— Как-то это... слишком размыто, — подметил Ибрагим. Подумав немного, он спросил: — Ты же не чай пить сюда пришёл, да?

— Конечно, нет. Я собираюсь нанять вас на работу. Как опытных крафтеров.

— Нанять? — удивился он.

Усто Алишер снова протёр лоб платком и добавил:

— Вы могли бы просто попросить нас о помощи.

— Но это значило бы, что однажды вы сможете попросить меня. А я не люблю оставаться в долгу.

— Эх, Виктор. Это называется «взаимовыручка».

— Какая разница, как оно называется? Главное то, что мне нужны ваши знания чтобы создать артефакт.

Хмыкнув, Ибрагим проговорил:

— Насколько мне известно, Виктор, ты и сам

прекрасно разбираешься в этом. И не проще ли было бы тебе попросить свою секретаршу? У неё опыта побольше.

— Моих знаний не хватает. Я специализируюсь на печатях и сигилах, но не всегда правильно соединяю их. А Кария и пальцем не пошевелит, если решит, что затея опасна. Проклятье! От неё никакого толку! Вчера она жаловалась на скуку, а сегодня будет отчитывать меня!

— Во-первых, не пытайся понять женщину, просто прими её такой, какая она есть, — строго сказал Ибрагим. Усто Алишер солидно кивнул, соглашаясь с ним. — Во-вторых, есть разница между развлечением и опасностью.

— А в-третьих, — добавил я, — разве вам самим не хочется снова собрать что-то полезное? Полезное вне ваших лабораторий. Слушайте, раз я подвергаю себя опасности, значит, мне нужно улучшить оборону, так? У меня есть проект оберега, и он даже работал, но сейчас я хочу сделать его лучше. Ну! Хватит ковыряться в теории! За работу!

Старики молча смотрели на меня несколько секунд. Наконец Ибрагим вытащил из-под нард блокнот и, протянув мне, сказал:

— Рисуй. А мы посмотрим, что у тебя там за проект.

Начертив в центре листа двенадцатилучевой

крест — «Шлем Ужаса», я окружил его заклинанием для создания барьера, а затем ещё одним — необходимым для активации оберега. Поверх них легла печать в форме треугольника, позволяющая ненадолго замедлять время. Довершением стала несложная формула магического аккумулятора, призванного сохранять закачанную в предмет энергию. Фактически, одна эта формула способна превратить любую вашу вещь в волшебную, однако без дополнительных элементов, вроде тех, что использовал я, от неё будет мало толку. Посудите сами: батарейка, как таковая, ничего не значит, но поставьте её в фонарь — и вы сможете осветить тёмную комнату. Затем добавьте ещё пару-тройку деталей и, возможно, у вас получится цветомузыка. Хотя здесь всё зависит от знаний и места, из которого растут руки.

Создание артефактов напоминает построение электрических схем. Чтобы получить нужный эффект, необходимо знать свойства и назначение каждого элемента, понимать, какой результат выйдет от их сочетания. И, самое главное, нужно разбираться в правилах сочетания элементов, чтобы ненароком не получить какую-нибудь гадость, способную угробить своего владельца.

— Действительно необычное решение, — пробормотал Ибрагим, глядя на мой рисунок. — Ты используешь знак абсолютной защиты чтобы

отвести угрозу, а если это не получается, то запускаешь защитное поле. Необычно. И неэффективно.

— Этот знак меняет обстоятельства на более выгодные, — пояснил Усто Алишер.

Я кивнул.

— Знаю. Поэтому и использовал его.

— Но вы, похоже, слабо представляете, как именно он работает, — продолжал колдун. — Изменение реальности — непростая задача. Да, нападающий подскользнётся в самый неподходящий момент, или провалится в открытый люк... Много чего может случиться. Но чтобы упасть в люк, нужно забыть закрыть его в прошлом, которое уже произошло. А знак меняет только настоящее. И не забывайте, что он стоит во главе вашего оберега, поэтому будет пытаться воздействовать на окружающий мир до последнего. Когда появится защитное поле, оно вам, по разным причинам, может уже не понадобиться. Понимаете?

— Иначе говоря, оберег долго запускается, да?

— Иначе говоря, — поправил меня Ибрагим, — ты в проигрыше с того самого момента, как надеваешь его.

— Это в теории. А на практике всё прекрасно работало.

— Мы с учителем можем назвать шесть

способов, которыми можно как минимум покалечить человека с таким оберегом. Три из них — с помощью самого оберега.

— Семь способов, — Усто Алишер деловито пригладил бороду. — И все-таки четыре. Вот если бы отказаться от глупой «абсолютной защиты»...

Я скрестил руки и ухмыльнулся.

— Об этом и разговор. Вчера я видел кое-что получше. Зачем менять настоящее, если можно выбрать лучшее будущее?

— Предсказание?

— В точку!

— Нет, это невозможно, — Ибрагим отложил рисунок и налил себе ещё чаю. — Заставить вещь предсказывать будущее? Знал бы ты, Виктор, сколько веков чародеи пытаются создать такой артефакт. Никому не удалось продвинуться дальше нескольких долей секунды. Только достаточно развитое живое существо понимает, что такое время. А бездушный предмет на предсказания не способен в принципе.

— Эй, старики. Вы же знаете мои методы. Мне всё равно, камень там будет или что-то шевелящееся. Важен результат, а не начинка.

— Ты забываешь, Виктор, что у всех есть свои собственные желания. И они могут не совпадать с твоими. Даже если мы сумеем как-то... «прикрепить» к оберегу предсказателя, не факт, что

он будет подчиняться тебе.

— Если только не использовать того, у кого нет желаний, — задумчиво пробормотал Усто Алишер. — Не живого, но и не мёртвого.

Ибрагим настороженно посмотрел на своего учителя. Тот сказал что-то на странном, неизвестном мне языке — будто вода пролилась на камни; поколебавшись, Ибрагим достал из кармана связку ключей и отделил один. Усто Алишер кивнул и торопливо убрал нарды в доску.

— Кхм, — кашлянул я. — Далеко собрались?

— В цитадель, — коротко ответил Ибрагим, складывая пиалы друг в друга. — Мы не можем рисковать, проводя опыты здесь.

Большинство подсобных помещений под мостом на поверку оказывались россыпью порталов. За любой невзрачной дверью запросто может скрываться огромный склад или лаборатория в пару квадратных километров, которая на самом деле находится где-нибудь в самом сердце пустыни. Расположенная неподалёку точка выхода, из которой магия буквально фонтаном хлестала, позволяла проделывать удивительные штуки с пространством.

— Значит, мы договорились? В таком случае будьте добры озвучить цену.

— Цену? — переспросил Ибрагим. — Хорошо. Из нас троих только ты, Виктор, можешь

бывать в мире духов, так? Если достанешь кое-какие ценные ингредиенты, мы будем в расчёте. погоди, я напишу.

— Ну, раз уж речь зашла об Обратной стороне, — проговорил я, ожидая, пока он составит список, — то у меня есть ещё один вопрос. Вы знаете способ вытащить человека из того мира?

Старик на секунду отвлёкся, вспоминая какое-то название, и задумчиво ответил:

— Если бы мы знали как выйти из мира духов, то сами гуляли там, а не просили тебя. Боюсь, твой клиент долго не протянет.

— Да ни черта подобного! Он протянул уже почти двенадцать часов!

— А? — Ибрагим почесал карандашом бровь. — Так долго? Тебе самому это не кажется странным? Может быть, этому человеку очень повезло и где-то в роду у него были потусторонние существа? Стоило бы попробовать обратиться к призывателю...

Я поджал губы и фыркнул.

— Ну конечно! Раз вся заварушка началась с призывателя, то как же без него?

— В любом случае, так у тебя есть хоть какой-то шанс вернуть своего клиента в мир людей.

Мне как-то не приходило в голову, что человека тоже можно «призвать». Но кто знает, какие у этого могут быть последствия? Призванные

существа, как правило, служат хозяину; вполне возможно, что и человек потеряет собственную волю, став послушным рабом чародея.

— Есть один на примете, — продолжал Ибрагим. — Называет себя «Мадо». Поговаривают, что он лучший призыватель демонов, какого только можно найти. Но с кем попало не водится, кроме имени (или прозвища) нам о нём ничего не известно. Если надумаешь, он часто бывает вот здесь.

Я пробежался взглядом по списку ингредиентов, и в самом его конце наткнулся на адрес.

— «Элитный ресторан»? Что это значит?

— На самом деле там стриптиз-клуб.

— Серьёзно? Ты-то, старый, что там делал?

— Но сразу предупреждаю, сами мы с Мадо дел не имели, так что будь начеку. О нём ходят нехорошие слухи. Слышишь, Виктор?

— Начеку. Обязательно, — пробормотал я, убирая список в карман.

День обещал быть интересным.

Глава 8

Азамат не сразу взял трубку. Зевнув, он промямлил:

— Вы знаете, который час?

— Половина одиннадцатого, — бодро сообщил я. — А ты там что, спал?

— Сегодня воскресенье, — он прокряхтел, как столетний дед. — Это моё право — поспать в воскресенье.

— Серьёзно? Брось! Скажи лучше, тебя раскрепощённые обнажённые женщины интересуют?

— Это уже четвёртый раз, — Азамат снова зевнул и его голос стал бодрее, — когда вы пытаетесь сплавить мне Карию. Оставьте себе, она *слишком* раскрепощённая.

— Вообще-то, я собирался предложить тебе сходить в одно заведение, но раз ты...

— Чёрт, куда вас опять тянет?

— Есть работа, — серьёзно сказал я. — Мне понадобятся твои способности, так что собирайся поскорее. Сейчас пришлю координаты.

Он пытался сказать ещё что-то, но я уже не слушал. Отправив ему адрес, я первым делом отправился в душ и постарался смыть с себя вчерашние пот, кровь и больничный запах. Затем постоял пару минут перед зеркалом, потирая недельную щетину, и наконец сбрил её, превратив в эспаньолку. Отыскав в шкафу полувыцветшую, но ещё вполне яркую оранжевую «гавайку», накинул её и покрутился перед зеркалом.

Экстрасенс, куда бы он ни шёл, должен

вызывать доверие и позитивные чувства. Хотя бы своим внешним видом. Хотя бы позитивные чувства.

Особенно если экстрасенс липовый.

Давить на мрачность, изображая себя человеком не от мира сего — это далеко не лучший выбор; тут надо ориентироваться на материал, с которым придётся работать. Если материал жаждет видеть клубящуюся тьму и пугаться потусторонних завываний — смело красьте свечки чёрной тушью и войте себе в полный голос. Однако большинство людей, верящих в чудеса по тарифу, слепы в своей вере, наивны как дети, и не замечают абсолютно никаких огрехов в разворачивающемся представлении.

Хотя попадаются и такие, которых удерживает здоровый скептицизм. Здесь важно показать свою «нормальность», как бы говоря недоверчивому клиенту: «Эй, друг! Смотри, я такой же, как и ты! Только могу предсказывать судьбу и всё такое...» Правда, здесь нет ничего общего с тем, что я просил у стариков — никаких предсказаний. Только пустые фразы и самовнушение.

Пусть это грубо звучит, но гонорар — наша цель.

Вера — наше орудие.

Сейчас я всего лишь собирался сыграть в

«хорошего полицейского — плохого полицейского». Как можно было догадаться, у меня была положительная роль. Это трудная роль, но именно от неё зависит исход операции: только когда допрашиваемый поверит в чистоту ваших помыслов, в то, что вы на его стороне и искренне сочувствуете ему — только тогда он расскажет всё.

Азамат совсем не годился быть хорошим. Он действительно мог сочувствовать и сорвал бы мои планы.

Мы встретились неподалёку от условленного места. Азамат по привычке захватил с собой уже изрядно потрёпанную, но продолжавшую служить ему верой и правдой волшебную палочку. Это только звучит несерьёзно — «волшебная палочка». Если сравнивать с оружием, то она находится где-то на уровне пистолета. Не имея при себе ничего более серьёзного, никто не решится спорить с некромантом, размахивающим волшебной палочкой.

— Ну, что за работа? — нетерпеливо спросил Азамат, оглядываясь по сторонам. Само место не предвещало ничего хорошего: безлюдная улочка в спальном районе, запах плесени и тучи надоедливой мошкары, вырывающиеся из сырых подвалов, мебельный магазин, уже давным-давно опустевший, но всё ещё сообщающий: «Мы открылись!». Вдоль всего этого запустения

длинным нестройным рядом торчали пыльные, задохнувшиеся, измученно искривившиеся туи. Было в этом что-то нервирующее — как бывает в полночь на заброшенном погосте, где беспокоиться, вроде, и не о чем, а шаг сам собой становится неровным.

— Ничего особенного. Будем искать информацию об одном человеке, — нарочно беззаботно проговорил я. Этот тон меня и выдал.

— Вы сами не знаете ничего определённого, да? — спросил Азамат. — То есть вообще ничего.

— Как сказать...

— Чёрт! Вы опять работаете по каким-то левым слухам! Надеюсь, на нас в этот раз не нападёт призрак из проводки? Или канализации?

— Будем надеяться, нет! — бодро ответил я, направившись к лестнице в один из подвалов, где, если верить Ибрагиму, притаился стриптиз-клуб.

Подготовленный заранее отвод глаз мягко укрыл нас от лишнего внимания, и мы, воспользовавшись тем, что сонный бугай перед входом вдруг очень захотел отвернуться, незаметно проскользнули внутрь.

Как и следовало ожидать, было ещё слишком рано для шоу. Стояла ленная тишина, одиноко блестел брошенный пилон. По нему растянулись две тонкие полосы света от неподвижно уставившихся на сцену прожекторов. Кроме нас и

сухощавого бармена, монотонно протиравшего бокалы, в зале не было ни души. Опёршись локтем на стойку, я искоса глянул на бармена и сказал:

— Мы от Мадо.

Помолчав с полминуты и заметив, что мы всё ещё в баре, он раздражённо буркнул:

— Не знаю такого.

— Прямо не знаешь?

— Я не могу знать всего, — ответил он.

Подвесив один бокал, бармен потянулся за другим и вдруг философски заметил: — Как луна становится месяцем — кто может дать ответ?

Если человек так серьёзно спрашивает о каких-то элементарных вещах, подумалось мне, то он, наверное, хочет услышать совсем не то, что написано в школьных учебниках. Это была игра в пароль. Надо было всего-то подобрать правильный отзыв. Варианты закрутились в голове, собираясь в комбинации, пытаюсь подобрать нужный ключ. Ответ был где-то совсем близко, оставалось только ухватить его. Ответ был...

— Вы шутите?! — воскликнул Азамат. — Просто тень от Зем...

...в самом вопросе.

— Не слушайте его, — я отстранил парня от стойки и, улыбаясь, проговорил: — Он ещё слишком молод и глуп. Ведь всем прекрасно известно, что луну пожирает змей.

Бармен никак не отреагировал. Только кивком указал за сцену и добавил вполголоса:

— Виолетта ждёт вас.

— Благодарю, — кивнул я, утаскивая за собой Азамата.

Мы юркнули в тёмный коридор, освещаемый одной-единственной тусклой лампочкой, под которой дремал, прислонившись к стене, широкоплечий охранник. По левую сторону тянулся ряд дверей — часть из них, судя по надписям, подсобные помещения, часть — гримёрные.

— Как вы поняли, что надо ответить? — прошептал Азамат, оглядываясь в зал.

Я посмотрел на него сверху вниз и, не без удовольствия от осознания собственной гениальности, ответил:

— Человек, которого мы ищем, зовёт себя «Мадо». По-фински это значит «змея». Теперь достаточно вспомнить поверье, будто фазы луны происходят оттого, что огромная змея каждую ночь откусывает от неё по кусочку. Думаю, тут все заодно с этим Мадо.

— Эй, вы двое! — грубо окликнул нас проснувшийся охранник. — Посторонним вход воспрещён!

Подмигнув Азамату, я широко улыбнулся и направился к бугаю.

— Что вы, что вы! Мы из санитарной инспекции. Обычная проверка.

— Какая ещё проверка? — он недоверчиво смерил нас взглядом.

— О! — я привстал на цыпочки и, заглянув охраннику за плечо, изобразил искреннее удивление, сменившееся не менее «искренним» ужасом. — Не может быть! Вы уже поражены, и оно распространяется так быстро!

Он испуганно завертел головой, пытаясь развернуть её на сто восемьдесят градусов.

— Что? Где? Чем поражён?

— Да вот же, смотрите... — улыбнувшись ещё шире, я нажал двумя пальцами на точку с левой стороны шеи.

Бугай мешком повалился на пол.

Несколько секунд Азамат молча смотрел на него.

— Он живой?

— Да должен бы, — отмахнулся я, открывая ближайшую дверь, из-под которой пробивался слабый свет.

За ней оказалась небольшая комнатка — точь-в-точь гримёрная: с большим трюмо, заставленным всякими странными штуками, которые зовутся косметикой, но похожи на орудия из пыточной и химлаборатории одновременно, двумя лампами над ним (одна горела ярче, другая

мигала и готова была вот-вот перегореть) и кучей разбросанных повсюду костюмов. Букет белых цветов был воткнут в высокую, узкую вазу, стоявшую на полу. Женщина, сидевшая перед трюмо, увидела нас в зеркалах и испуганно обернулась.

— Кто вы такие? Что вам надо?

— Виолетта, верно? — я засунул руки в карманы и прошёлся по комнате. — Нас прислал Мадо.

Она недоверчиво прищурилась и проговорила:

— Нет. Вы не из тех, с кем он водит дела... проваливайте! Или я позову охрану!

— Охрану? Малой, приведи-ка сюда охрану.

На лице Азамата отразился невысказанный вопрос: «Какой, к чёрту, малой?» Однако он всё же отправился выполнять приказ и вскоре появился на пороге, с трудом волоча за собой огромную тушу охранника.

— Этого звать собралась? — подойдя к Виолетте вплотную, я наклонился и глухо спросил: — Уверена, что он тебя услышит?

Резко отшатнувшись, женщина потеряла равновесие и упала на пол, опрокинув вазу. Зажав обеими руками рот, она отползла в угол, не сводя с нас испуганных глаз.

— Осторожнее надо быть, так и покалечиться недолго. Давай ты просто скажешь, где Мадо, а?

Тогда мы уйдём. Договорились?

Виолетта убрала дрожащие руки от лица, размазав по щеке кровь из случайно прокушенной губы, и прошептала:

— Я не знаю. Честно, не знаю.

— Не стоит лгать. Я-то себя контролирую, а вот малой... Он вообще с головой не дружит. Полный отморозок. А у нас, понимаешь ли, своеобразные методы.

От моих слов на забила в угол ещё сильнее и обхватила колени руками, зачем-то поправляя сбившееся платье.

Глубоко вздохнув, я повернулся к Азамату и велел:

— Начинай.

Он направил волшебную палочку на упавший букет и пропел одно из своих некромантских заклинаний — цветы завяли и осыпались в считанные секунды.

— В следующий раз малой состарит тебя лет на двадцать. А когда мы закончим, отсюда выйдет не обольстительная Виолетта, а никому не известная дряхлая старуха, — расправив плечи, я вынул руки из карманов и постучал пальцем по мерцавшей лампе. Интересно... — Но если ты всё выложишь, я удержу напарника от подобных действий.

Лицо женщины перекосилось и стало

жалостливым. Она всхлипнула, затем ещё раз, и вдруг громко разревелась.

— Она действительно ничего не знает, — проворчал Азамат. — Зря теряем время.

— Не верь ей. Просто состарь, как я сказал.

— Не буду.

— Я приказываю!

В наступившей тишине мой голос прозвучал жутковато. На скулах Азамата заиграли желваки. Поколебавшись, он медленно поднял волшебную палочку и, тяжело дыша, повернулся ко мне.

— Вы... Ты... Ты опасен, чёртов придурок. Лучше просто убить тебя, и ни у кого не будет проблем. Точно, — он покосился на Виолетту, — всего один свидетель... и всем будет хорошо.

Его взгляд стал безумным.

— Уничтожу!

Метнувшись за трюмо, я приложил руку к обратной стороне зеркала и отрывисто крикнул: «Effrego!» Ослепительно сверкающие осколки разлетелись по комнате звенящим облаком. Схватив Виолетту за руку, я вытащил её из гримёрной и пинком захлопнул за нами дверь.

— Есть отсюда другой выход?

Женщина беззвучно хватала ртом воздух, будто задыхалась. Пришлось встряхнуть её, чтобы привести в себя.

— Ну?

— Там, — она показала на другой конец коридора. — Через кухню можно подняться на улицу.

Стена позади нас начала быстро рассыпаться в серый песок. С нескольких ударов вышибив ногой дверь на кухню, я влетел туда, волоча за собой причитающую танцовщицу.

Чёрный ход также оказался заперт, однако дешёвый механизм замка был сделан не из металла, а из каких-то отбросов, и сдался под действием моего заклинания. Поднявшись по крутой лестнице, мы выскочили на улицу, где, зажмурившись от ударившего по глазам яркого летнего солнца, едва не налетели на мусорный бак.

— Сюда! — крикнул я, подгоняя Виолетту к припаркованной неподалёку апельсиново-жёлтой Impreza. — Он догоняет!

— Да что происходит? — она попыталась освободить руку, но я только сильнее сжал пальцы.

— Кажется, мой напарник совсем свихнулся. Садись в машину, быстро!

Буквально затолкав её внутрь, я сел за руль и надавил на газ, стараясь как можно скорее уехать отсюда. Танцовщица справа от меня ревела во весь голос, вытирая кулаками катившиеся по щекам слёзы.

— Зовут тебя как? — мрачно спросил я, чтобы хоть как-то отвлечь её.

— Та-та-та-аня-я, — взывала она.

— Плохо дело, Таня. Очень плохо... Проклятье! Кто бы подсказал, как остановить некроманта...

— П-простите! Я... я обманула!

Я покосился на Виолетту-Таню.

— Чего ещё?

— Я, к-кажется, знаю, где искать этого... Ма-адо. Он только передавал через меня какие-то пакеты. Не... не знаю, что там было. Но как-то раз слышала — Мадо го... говорил по телефону и назвал адрес, где его можно найти.

Вытащив из бардачка блокнот с карандашом, я сунул их танцовщице.

— Пиши.

Угумкнув, она коряво записала адрес.

Одеяло, лежавшее на заднем сидении, зашевелилось, и за нашими спинами показалась взъерошенная голова Азамата. Хрустнув шеей, он кое-как потянулся и спросил:

— Ну что, можно уже? У меня спина затекла.

Пронзительно визжа, женщина попыталась вогнать карандаш ему в голову, однако он вовремя увернулся. Едва я остановился, Таня выскочила как ошпаренная. Мы вышли следом.

— Вы! Уроды! Вы оба — сумасшедшие! — крикнула она, убегая.

— Точно, — согласился я. — Но зато теперь у

нас есть адрес. Поклон публике, занавес!

Азамат звонко хлопнул по подставленным ладоням, и мы, довольные представлением, вернулись в машину.

Всё шло согласно плану.

Пока.

Глава 9

Не так представляют себе логово чернокнижника. Это не мрачная, сырая пещера, не стылый склеп и не древняя башня из чёрного камня. Его не окружают ни ров, кишаций чудовищами, ни забор человеческих голов. Редко кто сейчас развешивает по стенам гирлянды из летучих мышей. Никто не носит чёрные балахоны и не выгуливает грифона по выходным.

Современные чародеи не такие. Они ходят на работу, читают вместе с вами книгу в метро, посещают встречи выпускников, чатаются в Сети, женятся и заводят детей.

И случается даже, что добросовестно платят налоги.

Мы повсюду. Вы каждый день сталкиваетесь с нами, но не хотите замечать ни нас, ни то, чем мы занимаемся. Потому что в то время, когда одни гоняются за оккультными цацками и смотрят телешоу с участием ряженных «магов», другие

привыкли верить, что чудес не бывает. Только потому, что выглядят чудеса иначе, нежели от них ожидают.

Вы не задумывались, как много потусторонних существ встречается на улице, сколько других ветвей эволюции может стоять рядом с вами в каком-нибудь магазине, ожидая своей очереди в кассу?

Люди далеко не единственный разумный вид в этом мире. На вершине стоят энергетические формы жизни, боги и божества. Чуть ниже — ангелы, демоны и им подобные. От них отходят две ветви: низшие демоны с сонмом духов и люди, так или иначе владеющие магией: от рождения, по контракту или при помощи артефактов — маги, колдуны и волшебники. Ниже колдунов стоят проклятые, из которых распространены оборотни, вампиры и ожившие мертвецы-упыри. Специфична позиция некромантов. Ими становятся дети с «геном мертвеца»; умирая при рождении, они заключают контракт со Смертью, получая второй шанс и способности к своеобразному волшебству. Поэтому некроманты относятся к колдунам, волшебникам и проклятым одновременно.

Среди духов особо выделяются покровители, занимающие ступеньку между собственно духами и демонами, и идолы, связанные с высшими формами через забытые божества. Ниже духов обосновались

призраки всех мастей, бесцельно слоняющиеся на границе мира живых.

Большинство этих существ имеют десятки эндемичных подвидов. Иными словами, каждая их разновидность обитает на строго определённой территории и, как правило, не покидает её границ без особых причин.

В повседневной жизни вы чаще всего встречаете духов и низших демонов. Они путаются под ногами, прячут нужные вещи, нашёптывают грязные мысли... есть, правда, и полезные духи, но их меньше. Среди ваших коллег по работе наверняка затесалась пара-другая неплохо устроившихся магов, а кто-нибудь из соседей, уж поверьте, колдун или потомственная ведьма.

Проклятые стараются избегать солнечного света и прячутся в тёмных подворотнях. За последние годы их численность здорово уменьшилась, теперь они частенько промышляют гоп-стопом.

Ангелы, демоны и божества — напротив — имеют большое влияние в обществе и предпочитают играть роль «сильных мира сего». Они постоянно мелькают в новостях и на обложках журналов.

Но вы вряд ли услышите что-то о Старших — тех, кто создал вселенную и управляет ею. Куда больше шанс наступить какому-нибудь забытому

божеству на ногу в автобусе.

Впрочем, не буду углубляться в теорию. Я всего-то хотел сказать, что от дома призывателя демонов не стоит ждать каких-то особых дизайнерских решений.

— Вы уверены, что он живёт именно здесь? — поинтересовался Азамат, ткнув пальцем в весёлый дверной глазок в виде жёлтого одуванчика.

— Будем верить Виолетте, — ответил я, разглядывая пакеты от мела и алебастра, выставленные на следующем пролёте. — К тому моменту, когда она дала адрес, у неё уже не было причин лгать. Вот только Мадо здесь уже несколько дней как не появлялся.

— С чего вы так решили?

Я показал наверх.

— Этажом выше делают ремонт, строительная пыль разносится по всему подъезду. Если бы кто-то входил в квартиру, он должен был взяться за дверную ручку и стереть часть осевшего на неё мела. А мел не стёрт. Вывод: здесь никого нет.

Азамат поёжился.

— Не нравится мне это. Мне вообще тут не нравится. Что будем делать? Поспрашиваем у соседей?

Я кивнул, уже нажимая на кнопку звонка в квартиру напротив.

— О Мадо нам ничего не известно —

друзьями прикинуться вряд ли получится, так что скажем, будто мы из налоговой. Это всегда срабатывает.

Дверь открыл ссохшийся, дряхлый старик. Так я подумал в первые секунды — до того, как понял, что вижу перед собой того самого парня, с которым болтал вчера, сидя на рельсах. Правду говорят: мир тесен.

Но... как же он паршиво выглядел.

Он был никаким не блондином, а на самом деле совершенно седым. Глаза и щёки его ввалились и потемнели, как от постоянного недосыпания, руки то и дело вздрагивали, и краешек губы дёргался им в такт, искажая лицо в кривой, уродливой, жуткой усмешке.

В руках он крепко сжимал нейлоновый шнур, уже завязанный в петлю.

— О, вижу, тебе всё-таки продали верёвку! — весело заметил я. — Так что, мобильник забрать можно? Там много на счету? Если нет, то я свою симку поставлю.

— Вы знакомы? — удивился Азамат, заглядывая через моё плечо.

Парень моргнул пару раз, его рот приоткрылся в беззвучном крике, а правая рука неестественно взметнулась: сперва поднялся локоть, и только потом — кисть. От этого движения дверь распахнулась ещё шире. Азамат успел

увернуться, а я, отпрянув, споткнулся и, неудачно налетев бедром на железные перила, покатился по лестнице.

Хорошо, что не успел купить новые очки — было бы жалко сломать их в первый же день.

Вопреки ожиданиям, в конце пути я не ударился о стену, а всего лишь мягко оттолкнулся от неё, приложившись, правда, о нижнюю ступеньку. Проклятье! Кто бы мог подумать, что у этого задохлика окажется такая силища. Неужели внешность может быть настолько обманчива?! Я тяжело вздохнул.

На выдохе изо рта вырвалось облачко белого пара.

Разлом, похожий на сверкающий водопад, стекающий с той стены, в которую я только что влетел, таял прямо на глазах. Это было плохо. Плохо, очень плохо — амулет с запасом волшебства опустел ещё вчера, и у меня не было возможности поставить его на зарядку. Да и вообще, разве возможно провалиться на Обратную сторону помимо своего желания? А если возможно, то какова вероятность того, что, стукнувшись о стенку, вы пробьёте лбом портал в мир духов?

Да ни в жисть!

— Ох, чёр... — я осёкся на полуслове, увидев, что творится в этом доме на самом деле. Подъезд просто кишел чертями и мелкими бесами: они

копошились на лестнице, прыгая по ступеням, болтались на потолке, бегали и кружились, дёргая друг друга за хвосты, визжа и хохоча. Два огромных беса сидели возле квартиры Мадо, охраняя вход. Да и, пожалуй, бесов здесь было больше, чем чертей.

Для справки, это два разных вида. Если вторые всегда относились к идолам — довольно злым идолам, то бесами становятся духи-покровители, поражённые злом и принявшие чёртоподобную форму. Ими, в отличие от чертей, можно как-никак управлять даже без заключения колдовского контракта.

Судя по всему, этих бесов призвал или создал Мадо — его они и слушались, а вот у меня, да без волшебства под рукой, были слабые шансы пройти мимо. Ясно, почему Азамату было не по себе — как некромант он чувствует Обратную сторону острее других.

Хотя мне это уже никак не могло помочь.

Лишь одна сила была способна разогнать собравшихся тварей. Вот только она куда-то запропастилась.

Судорожно раздумывая, в какую сторону лучше бежать, я наскоро отправил Азамату СМС с просьбой задержать удумавшего повеситься парня, а сам рванул вниз. Во-первых, сверху собралось слишком много нечисти, а во-вторых... спускаясь

по лестнице проще залепить ногой по морде вставшего на пути чёрта.

У самого входа в подвал обнаружилась шумная компания бесят во главе с маленьким вертлявым чёртиком. Они растащили оставленный кем-то из жильцов мусор и теперь кидались им в электрический щит, запертый на необычный фигурный замок. Наверняка это тоже была работа призывателя — сами бесы с таким не справились бы.

Перепрыгивая через последние три ступеньки, я состроил страшную рожу и яростно зарычал. Чертёнок, никак не ожидавший ничего подобного от простого смертного, отшатнулся — я, улучив момент, изо всех сил ударил кулаком по щиту. Одна из петель, на которых висел замок, сорвалась, и дверцы щита открылись, разрывая ловушку. Ощетинившийся шерстяной комок, шипя и бешено вертясь, выпал на пол. Он тут же ринулся в самую гущу бесят — полетели выдранные клоки шерсти. Ему потребовалось не больше полминуты, чтобы загнать визжащих бесов в подвал.

— Бардак ты развёл, хозяин, — с укором сказал я домовому, потирая ноющую после удара руку.

— Попрекаеш-шь? — шепеляво огрызнулся он. — Не зазнавайс-ся, человек.

— Да плевать. Дальше есть ещё, не

отвлекайся.

Мне на самом деле было всё равно — домовый требовался только чтобы расчистить дорогу, не более того. И пока он этим занимался, я поспешил на помощь Азамату.

А ему уже нужна была помощь.

Хорошо, что входя за самоубийцей, он не закрыл за собой дверь — с Обратной стороны я не сумел бы открыть её. Влияние мира духов на реальный весьма и весьма ограничено: не всем его обитателям дано напрямую воздействовать на материальные вещи. Большинство ограничивается тем, что играет роль невидимого препятствия. Они не могут и пёрышка сдвинуть, если оно занимает положенное ему место. Правда, стоит каким-то непонятным законам порядка нарушиться, стоит положить что-то «не на своё место», как оно тут же становится доступно для пользования всем, кому не лень.

Иными словами, не стоит недооценивать важность ежедневной уборки.

Полуоглушённый Азамат лежал в прихожей, пытаясь приподняться, но с каждой попыткой толстый чёрт бил его сковородой. В материальном мире тот, скорее всего, даже не понимал, что происходит — просто чувствовал дикую усталость, от которой хотелось просто лечь и уснуть. Пнув чёрта так, что он вылетел вместе со сковородой на

лестницу, я вошёл на кухню, где суицидник уже успел просунуть голову в петлю. Он был облеплен нечистью — злые духи всех мастей управляли им как марионеткой, дёргая за привязанные к рукам и ногам нити, маленький бесёнок, задорно размахивая хвостом, уже вовсю раскачивал стул, на котором стояла их жертва. Двойник парня — фантом, видение того, кем он должен был бы стать, существующее лишь здесь, на Обратной стороне — забился в угол и в ужасе смотрел на последние минуты своего живого воплощения. Как только парень умрёт — и он, и его двойник станут вечными игрушками чертей.

Вы не подумайте, меня их судьба не волновала. Как вообще можно переживать за человека, которого видишь второй раз в жизни? Просто это бесит — всегда находится какой-нибудь кретин, треплющийся, будто только сильный духом может покончить с собой. Посмотрите на это оттуда, откуда смотрел я — эти люди не то что принимать решения, они двинуться-то по своей воле не могут. Человек, не способный придумать ничего лучше, кроме как расстаться с жизнью, чтобы избавиться от всех проблем, достоин называться лишь ничтожеством.

Жизнь — боль. По-настоящему сильный тот, кто находит в себе достаточно мужества, чтобы признать совершённые ошибки. Тот, кто встаёт и

продолжает идти. Несмотря ни на что. И если для какого-то слабака нет ничего хуже, чем жить дальше, если это самое страшное наказание для него — так и быть.

Я возьму на себя роль палача.

Я поставил ногу на стул, не давая бесёнку выдернуть его: тот несколько раз потянул стул за ножку и непонимающе уставился на меня.

— Вечеринка окончена, ребятки. Пшли вон!

В квартиру влетел шипящий домовый, заставив нечисть броситься врассыпную. Найдя на столе пакетик от сим-карты с номером телефона этого балбеса, я написал ему: «Передумаешь умирать — пришлю счёт за услуги».

Ему придётся жить, чтобы расплатиться со мной.

Кстати, это было нелегко — написать ему что-то. С Обратной стороны, хоть это и звучит странно, вполне можно отправлять СМС. Но только в одну сторону, и сообщение приходит абоненту в зеркальном отражении. Обычно я не утруждаю себя такими мелочами, однако на что только не пойдёшь ради выго... великой справедливости. Даже на набор сообщения задом наперёд.

И всё же... недавно парень сменил номер — вряд ли в его планах был переезд на кладбище. Просто здесь было так много бесов, что как только он потерял над собой контроль, нечисть легко

овладела им.

За всем этим, без сомнения, стоял призыватель. Но зачем ему было превращать целый дом в зверинец?

Дождавшись, пока Азамат придёт в себя, я велел ему выломать замок в квартиру Мадо, и мы вошли в «логово чернокнижника».

— Всегда подозревал, что с этим что-то не так, — усмехнулся Азамат, перелистывая пособие по праву. — Кажется, мы забрались к логово одинокого профессора.

«Не расслабляйся», — написал я ему, заглядывая в другие комнаты. Ничего необычного, квартира как квартира. Однообразные бежевые обои, старые ковры на стенах, цветы на окнах. В рабочем кабинете — шкаф во всю стену с однотипными книгами, но ни одной хоть как-то связанной с магией. Азамат открыл холодильник: котлеты, консервы, открытая бутылка вина... Ни замороженных крыс, ни живой еды, ползущей наружу.

— А профессор — левша, — заметил мой напарник, вертя в руках забытую в холодильнике ложку. И правда: больше сточена справа.

«Амбидекстер», — поправил я. Настольная лампа в кабинете стояла слева. Будь Мадо левшой, он переставил бы лампу так, чтобы тень от руки не мешала ему. Значит, он одинаково хорошо

пользовался обеими.

Зайдя в кабинет, Азамат полистал лежавшие на столе записные книжки, однако и в них не было ничего, кроме записок на память. Проклятье! Неужели мы ошиблись? Или Виолетта обманула, дав случайный адрес? Но то, с чем мы только что столкнулись — вся эта нечисть... Ошибки быть не могло.

Азамат протянул руку к шкафу, поправил упавшую фотографию и медленно отошёл в сторону, прикусив нижнюю губу.

Посмотрев ему через плечо, я почувствовал, как ноги подкашиваются. На фото, окружённый улыбающимися студентами, стоял тот самый человек, которого я подобрал на Обратной стороне.

Нинель, что же я наделал?

С трудом нажимая дрожащими пальцами на кнопки, промахиваясь мимо, я собирался написать что-то, но бросил попытки и, спотыкаясь и налетая на стены, побежал к выходу.

Кроме того, из головы никак не шла одна деталь.

Одним из студентов на фотографии был Азамат.

Глава 10

У меня совершенно не было времени

разбираться в причастности Азамата к чему бы то ни было. Чуть позже ему придётся долго и подробно объяснять, но сейчас было куда важнее предупредить Нинель.

День был в самом разгаре, однако на Обратной стороне, как обычно, царили прохлада и серовато-тусклые, будто прикрытые утренним инеем, цвета. Это мрачное и неприветливое место — но только на первый взгляд. И в Обратной стороне есть своя особая прелесть. Будто истории Гофмана и братьев Гримм попытались воплотиться в реальность, а получилось это у них только частично, вот и болтаются обрывки пугающих сказок в мире духов. Временами они прорываются в мир человеческий, с наступлением ночи выползая вместе с тенями из глухих подворотен, раскачиваясь на упругих побегах зелёных плющей, хихикая под мерцающими фонарями.

Однако после некоторого времени, проведённого здесь, приходит осознание, что они только кажутся страшными и враждебными. Многие создания Обратной стороны желают человеку не больше зла, чем он позволяет. На самом деле здесь не опаснее, чем наших домах. Мы ведь прекрасно понимаем, что не стоит лезть пальцами в розетку или сушить голову в духовке.

Большинство из нас это понимает.

Я к тому, что достаточно знать несколько

простых правил и не рисковать по глупости — вот и всё.

Хотя, отрицать не буду, есть на Обратной стороне и те, с кем лучше не встречаться. Взять тех же бесов с чертями. Или грехи, воплощающиеся в форму плотоядных насекомых. Или призраков. Или Великих Палачей.

Ладно, признаю, тут так же безопасно, как на пороховом складе, где прочно обосновалось общество анонимных поджигателей.

Заметив краем глаза, как что-то быстро движется в мою сторону, я резко остановился и слегка отклонился назад. Какой-то долей секунды спустя прямо передо мной просвистела длинная пика — вроде тех, какими орудовали рыцари на средневековых турнирах. Только вместо обычного длинного наконечника эта пика заканчивалось штукой, похожей на большой бур — можно было рассмотреть даже, как вращается прорезанная в наконечнике спиральная ложбинка.

И всё же она не задела меня. Пролетев мимо, пика-бур до половины воткнулась в плакат возле входа в салон красоты, пронзив нарисованное небо и кирпичную стену за ним. Тот, кто бросил её, очевидно, не собирался попадать в цель, а просто хотел заявить о себе.

— Вот он, значит, какой, — раздался голос слева. Я невольно напрягся, услышав знакомые

шипяще-свистящие нотки.

— Плевать, — ответил первому голосу другой — девичий. — Разберёмся по-быстрому, и домой.

Засунув руки в карманы, я натянул на лицо кривую ухмылку и, повернувшись к говорившим, сказал на накшенси, припоминая слова и стараясь не напутать их порядок:

— Эй, вы тут кое-что обронили! Не стоит инструментом бросаться, так можно и задеть кого-нибудь.

Крепкий мужчина с глубоко посаженными глазами и кривым носом, одетый в дешёвые джинсовые шорты и уже слегка растянутую майку, удивлённо крякнул и покосился на свою спутницу — светловолосую девушку в простом платье до пят, похожем больше на потрёпанную ночную рубашку.

— Он нас понимает, — мрачно проговорила девушка. — Мартин был прав.

Я фыркнул.

— Конечно, понимаю! Между прочим, неприлично говорить на языке, которого один из присутствующих может не знать. Надеюсь, данное предложение не слишком сложно для вас? Да, а тебе, — мой палец показал на мужчину, который, видимо, и метнул пику, — нужно бы поработать над акцентом. Твоё «Э» звучит как у гулящей деревенской девки. И у этой дурёхи, кстати, не лучше.